

PRO NUNC: СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

**ВЫП. 5.
ДИАЛОГИ О ПОЛИТИКЕ:
МАТЕРИАЛЫ
РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ СТУДЕНЧЕСКИХ СЕМИНАРОВ,
ТАМБОВ (РФ) – КЛЕМСОН (США)
(ТГУ ИМ. Г.Р. ДЕРЖАВИНА, 2005-2006 ГГ.)**

Политология

Международные отношения

Политическая история

Тамбов 2006

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Г. Р. ДЕРЖАВИНА
КЛЕМСОНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

PRO NUNC: СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Выпуск 5
ДИАЛОГИ О ПОЛИТИКЕ

МАТЕРИАЛЫ
РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ СТУДЕНЧЕСКИХ СЕМИНАРОВ
ПО ПОЛИТОЛОГИИ И МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТНОШЕНИЯМ

*(ТГУ им. Г. Р. Державина, РФ – Клемсонский университет, США)
г. Тамбов, 2005-2006 гг.*

Тамбов 2006

УДК 324
ББК 66.68
П78

Р е д к о л л е г и я :

М. Д. Кросстон, В. В. Романов, Д. Г. Сельцер.

PRO NUNC : Современные политические процессы.
П78 Вып. 5. Диалоги о политике : Мат-лы рос.-америк. студ.
семинаров по политологии и международным отношениям
(ТГУ им. Г. Р. Державина, РФ – Клемсонский университет,
США). г. Тамбов, 2005-2006 гг. / Редкол. : М. Д. Кросстон,
В. В. Романов, Д. Г. Сельцер ; Федеральное агентство по
образованию, Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина ; Клем-
сонский ун-т. Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина,
2006. 179 с.

ISBN 5-89016-258-6

Настоящее издание представляет собой материалы заседаний и «круглых столов» российско-американских студенческих семинаров, проведенных в ТГУ им. Г. Р. Державина в 2005-2006 гг. Студенты американского и российского университетов обсуждают актуальные проблемы международных отношений, внутренней политики США и РФ.

Для специалистов и всех, кто интересуется современной политикой.

УДК 324
ББК 66.68

ISBN 5-89016-258-6

© Тамбовский государственный университет
им. Г.Р. Державина, 2006

FEDERAL EDUCATIONAL AGENCY

TAMBOV STATE UNIVERSITY
NAMED AFTER G. R. DERZHAVIN
CLEMENSON UNIVERSITY

**PRO NUNC:
MODERN
POLITICAL PROCESSES**

Volume 5

**DIALOGUES ABOUT POLITICS
PROCEEDINGS OF THE RUSSIAN-AMERICAN
STUDENTS' SEMINARS ON POLITICAL STUDIES
AND INTERNATIONAL RELATIONS**

*(TSU named after G.R.Derzhavin,
Russian Federation – Clemenson University, USA)
city of Tambov, 2005-2006*

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Tambov 2006

E d i t o r i a l B o a r d :

M. D. Crosston, V. V. Romanov, D. G. Seltser.

PRO NUNC : Modern political processes. Vol. 5. Dialogues about politics : Proceedings of the Russian-American students' seminars on political studies and international relations (TSU named after G. R. Derzhavin, Russian Federation – Clemenson University, USA). City of Tambov, 2005-2006 / Editorial board : M. D. Crosston, V. V. Romanov, D. G. Seltser ; Federal Educational Agency, Tambov State University named after G. R. Derzhavin ; Clemenson University. Tambov : TSU Publishing House, 2006. 179 p.

ISBN 5-89016-258-6

The publication presents the proceedings of the meetings and “round table discussions” of the Russian-American students' seminars taking place at the TSU named after G. R. Derzhavin in 2005-2006. Students of the American and Russian Universities discuss the urgent problems of international relations and home policy of the USA and Russian Federation.

The publication addresses specialists and everybody interested in modern politics.

ISBN 5-89016-258-6

© Tambov State University
named after G. R. Derzhavin, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии	11
<i>Романов В. В., Сельцер Д. Г.</i> Предисловие, или О пользе политических диалогов	11
<i>Crosston M. D.</i> Preface, or I have always considered myself Tambovskii	16
Молодежная культура России и Америки в условиях глобализации	18
<i>Куц В. С.</i> Роль молодежи в современном мире	19
<i>Purvis K.</i> Differences in the Treatment of Women in the US and Russia	22
<i>Пичугина Ю. К.</i> «Культурные стереотипы» и пути их преодоления	27
<i>Brackett K.</i> A Serious Provincial Gender Gap	30
<i>Серета У. В.</i> Религия и суеверия в современной молодежной культуре России и США: опыт сравнения	34
<i>Vuch M.</i> Searching for the Missing Middle Class	38
<i>Родионова С. В.</i> К вопросу об особенностях вербальной и невербальной коммуникации в России и США	42
Международная безопасность: российские и американские подходы	45
<i>Михайлов И. В.</i> Взгляд «справа»: республиканцы о национальных интересах США после окончания «холодной войны»	46
<i>Козлова Н. А.</i> Проблема противостояния современному «ядерному терроризму»	53
<i>Бучкевич О. Л.</i> США и иранская ядерная программа	56
<i>Schendel D.</i> Russia as Savior in the Iran Conflict	60
<i>Куц В. С.</i> «Инициатива по защите от распространения»: стратегические цели и перспективы реализации	61
<i>Шушкова И. В.</i> Региональные объединения и международная безопасность (на примере Шанхайской организации сотрудничества)	64

<i>Хомутичкин С. В.</i> Америка и «новый мировой порядок»: оценки Генри Киссинджера	67
Политические процессы в России и странах СНГ	71
<i>Филатов А. В.</i> Российский транзит: констатация пройденного	72
<i>Севостьянова Д. В.</i> Российский транзит: анализ в движении	75
<i>Schendel D.</i> Democracy through Western Eyes	76
<i>Кочетов А. И.</i> Демократические ниши в российской политической системе	78
<i>Murphy L.</i> The Curious Problem of Democratic History	79
<i>Дударева Е. С., Куц В. С.</i> Партийная система современной России: «Лучше меньше, да лучше»	83
<i>Колесников И. В.</i> Изменение практики формирования и структуры местного самоуправления	84
<i>Топорков С. С.</i> Избрание губернаторов: от прямого и всенародного голосования к новой практике	86
<i>Балабанов С. И.</i> СНГ: от декларативной интеграции к стратегическому взаимодействию	88
<i>Гребенникова О. И., Никоненко С. А.</i> Перспективы СНГ	90
Политические процессы в США и России. Выборы: Взрослые игры?	92
<i>Колесников И. В.</i> Западные избирательные технологии в незападных странах	93
<i>Филатов А. В.</i> Выборы: «народная забава» или форма воздействия на власть?	93
<i>Baker R.</i> The Importance of the Individual in Political Elections	95
<i>Кочетов А. И.</i> Электоральные стратегии российских политических партий	99
<i>Witzeman K.</i> Tambov Essay – The Single-Party System	101
<i>Топорков С. С.</i> Партии власти постсоветской России: «Единая Россия» (размышления к выборам-2007)	105

<i>Esry P.</i> «The United Russia Party» and the Problem of Ideology	106
<i>Дударева Е. С.</i> Проблема абсентеизма в современной России	109
<i>Кулькова О. С.</i> Абсентеизм в новых и классических демократиях: общее и разное	110
<i>Федорова Е. С.</i> Активность избирателей на выборах: теоретические аспекты	112
Избирательная система и избирательный процесс в современной России	115
<i>Кочетов А. И.</i> Избирательный процесс: методологические основания	116
<i>Назаров И. И.</i> Политические партии в избирательном процессе: юридико-правовые сюжеты	127
<i>Дударева Е. С.</i> От смешанной избирательной системы к пропорциональной	135
<i>Никоненко С. А.</i> Политические партии и региональный избирательный процесс	146
<i>Топорков С. С.</i> Выборы в региональные Законодательные Собрания: «Единая Россия» vs. КПРФ	158
<i>Айрапетов В. А.</i> Выбор без выборов: эволюция региональной номенклатуры КПСС («поздний сталинизм» – «оттепель» – «застой»)	167
Сведения об авторах	178

CONTENTS

Editorial	11
<i>Romanov V. V., Seltser D. G.</i> Introduction, or about the use of the political dialogues	11
<i>Crosston M. D.</i> Preface, or I have always considered myself Tambovskii	16
Youth culture of Russia and America under the conditions of globalization	18
<i>Kushch V. S.</i> Role of youth in the modern world	19
<i>Purvis K.</i> Differences in the Treatment of Women in the US and Russia	22
<i>Pichugina Y. K.</i> «Cultural stereotypes» and ways to overcome them	27
<i>Brackett K.</i> A Serious Provincial Gender Gap	30
<i>Sereda U. V.</i> Religion and superstitions in modern youth culture of Russia and USA: experience of comparison	34
<i>Buch M.</i> Searching for the Missing Middle Class	38
<i>Rodionova S. V.</i> For the problem of specifics of verbal and non-verbal communication in Russia and USA	42
International security: Russian and American approach	45
<i>Mikhailov I. V.</i> A view «from the right»: Republicans about national interests of the USA after finishing «the cold war»	46
<i>Kozlova N. A.</i> Problem of opposing the modern «nuclear terrorism»	53
<i>Buchkevich O. L.</i> USA and Iran nuclear programme	56
<i>Schendel D.</i> Russia as Savior in the Iran Conflict	60
<i>Kushch V. S.</i> «Initiative on security from extension»: strategic goals and prospects for realization	61
<i>Shushkova I. V.</i> Regional associations and international security (exemplified by Shanghai organization for cooperation)	64
<i>Khomutinkin S. V.</i> America and «new world order»: Henry Kissinger's views	67

Political processes in Russia and in UIN countries	71
<i>Filatov A. V.</i> Russian transit: fixing on the experiences	72
<i>Sevostyanova D. V.</i> Russian transit: analysis of dynamics ...	75
<i>Schendel D.</i> Democracy through Western Eyes	76
<i>Kochetov A. I.</i> Democratic niches in Russian political system	78
<i>Murphy L.</i> The Curious Problem of Democratic History	79
<i>Dudareva E. S., Kushch V. S.</i> Party system of modern Russia: «Good things come in small packages»	83
<i>Kolesnikov I. V.</i> Changes in the practice of formation and structuring the local self-government	84
<i>Toporkov S. S.</i> Elections of Governors: from the direct national elections to the new practice	86
<i>Balabanov S. I.</i> UIN: from declarative integration to strategic interaction	88
<i>Grebennikova O. I., Nikonenko S. A.</i> Prospects of UIN	90
Political processes in USA and in Russia. Elections: Games for grown-ups?	92
<i>Kolesnikov I. V.</i> Western election technologies in non-Western countries	93
<i>Filatov A. V.</i> Elections: «a fun for people» or a way to influence the power?	93
<i>Baker R.</i> The Importance of the Individual in Political Elections	95
<i>Kochetov A. I.</i> Electoral strategies of Russian political parties	99
<i>Witzeman K.</i> Tambov Essay – The Single-Party System	101
<i>Toporkov S. S.</i> Parties of power in post-Soviet Russia: «The United Russia Party» (reflections on the elections-2007)	105
<i>Espy P.</i> «The United Russia Party» and the Problem of Ideology	106
<i>Dudareva E. S.</i> Problem of absenteeism in modern Russia ...	109
<i>Kulkova O. S.</i> Absenteeism in the new and classical democracies: common features and differences	110

<i>Fedorova E. S.</i> Activity of voters during the elections: theoretical aspects	112
Election system and electoral process in modern Russia	115
<i>Kochetov A. I.</i> Electoral process: methodological foundations	116
<i>Nazarov I. I.</i> Political parties in the electoral process: juridical and legal situations	127
<i>Dudareva E. S.</i> From the mixed electoral system to the proportional one	135
<i>Nikonenko S. A.</i> Political parties and regional electoral process	146
<i>Toporkov S. S.</i> Elections in the regional Legislative Councils: «The United Russia Party» vs. Communist Party of Russian Federation	158
<i>Ayrapetov V. A.</i> Elections without choice: evolution of the regional nomenclature of the Communist Party of the Soviet Union («late Stalinism» – «a thaw» – «period of stagnation»)	167
References about the authors	178

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ, или О пользе политических диалогов

Совсем недавно, в 2005 г., стартовала совместная российско-американская программа по сравнительному изучению политических процессов в современном мире. В данном проекте были задействованы преподаватели, аспиранты и студенты двух крупных региональных университетов – Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина (Россия) и Клемсонского университета (штат Южная Каролина, США). Главная цель программы – расширение международных научно-образовательных контактов между специалистами в области международных отношений и политологии двух стран.

Важно заметить, что совместный проект опирался, прежде всего, на общие научные интересы его участников. Преподаватели Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина уже давно занимаются изучением международных отношений, американистики и современной региональной политики. Профессор М. Кросстон, представляющий кафедру политологии Клемсонского университета, в свою очередь, хорошо известен работами, в которых им исследовались не только политические процессы, проходящие на пространстве бывшего СССР, но и актуальные проблемы международной безопасности. Другими словами, научные интересы участников программы органично сформировали необходимое «единое поле» для проведения различных совместных мероприятий.

Однако с самого начала совместная российско-американская программа была ориентирована не только на исследовательские проекты. Чрезвычайно злободневной была признана задача, связанная с формированием на базе Тамбовского и Клемсонского университетов инновационной и открытой по своему характеру образовательной модели. Эта модель подразумевает, во-первых, обязательное знакомство студентов обеих университетов, обучающихся на отделениях «международных

отношений» и «политологии», с зарубежными традициями преподавания дисциплин специализации. В этом организаторы программы видят необходимый для сегодняшнего дня элемент практической профессиональной подготовки кадров высшей квалификации. Мы убеждены, что специалист XXI в. не может достичь каких-либо высот без получения международного опыта. Во-вторых, такая модель предполагает совместную работу над конкурентоспособной программой обучения по указанным специальностям, которая отвечала бы всем международным стандартам. В-третьих, немаловажным остается и проблема преодоления сохраняющихся как в России, так и в США стереотипов восприятия друг друга. И участие в официальных мероприятиях, и ежедневное неформальное общение студентов двух стран помогают не только лучше узнать особенности национального характера, но и попросту обрести друга, проживающего за океаном. На это же нацелена и насыщенная культурная программа, которая предлагалась американским гостям.

Вот уже второй год делегация Клемсонского университета пребывает в г. Тамбове. Вот уже второй год работа российско-американского семинара продолжается почти целый месяц. Помимо культурно-образовательных мероприятий, его программа традиционно включает в себя ряд «круглых столов», ставших своеобразной дискуссионной площадкой, на которой российские и американские студенты ведут заинтересованный диалог по актуальным проблемам мирового и регионального развития. Сегодня мы рады представить на суд читателей сборник статей, ставший результатом этого диалога.

Публикацию открывает, по сути, страноведческий раздел, который был сформирован по итогам работы самого первого «круглого стола» на тему «Молодежная культура России и Америки в условиях глобализации» (ведущие – студенты ТГУ Ольга Кулькова и Владимир Куш). Российские участники дискуссии попытались выявить некоторые социокультурные особенности повседневной жизни в двух странах. Наверно, эти материалы нельзя считать серьезными исследовательскими этюдами. Их следует рассматривать, скорее всего, лишь небольшими зари-

совками, которые были призваны помочь американским гостям путем сравнения познакомиться с отдельными элементами российской действительности. Статьи, представленные студентами Клемсонского университета (Кристен Пурвис, Кэтрин Брэккетт, Меган Бух), позволяют взглянуть на ту же российскую действительность уже «американскими глазами».

Второй раздел сборника посвящен современным проблемам международной безопасности. Он включает в себя выступления, подготовленные к деловой игре, в ходе которой обсуждались глобальные угрозы в контексте современных международных отношений и, в частности, иранской ядерной программы (ведущая – Ольга Бучкевич). Редколлегия сочла целесообразным дополнить студенческие работы по этой теме статьями аспирантов ТГУ, занимающихся научными исследованиями в данной области.

Третий раздел сборника – это попытка осмыслить весьма непростые проблемы современной политики России и стран бывшего СССР. Развивается ли постсоветская Россия в рамках транзитологической парадигмы? Как новые процедуры выборов депутатов Госдумы и формирования губернаторского корпуса изменяют властную диспозицию? Как будут развиваться отношения по линии Центр – регионы и есть ли перспективы у местного самоуправления? Каковы современное состояние и перспективы СНГ? Эти и другие вопросы обсуждались в рамках «круглого стола» «Политические процессы в России и странах СНГ» (ведущие – Наталья Козлова и Алексей Кочетов). Участники обсуждения, читатель в этом отчетливо убедится, по-разному оценивали и перспективы российской демократизации, и многое другое. Отрадно, что дискуссии не были сведены к банальному столкновению общепринятых и, кажется, усвоенных традиционных политических позиций. Нет, студенты были самостоятельны в своих суждениях. Полагаем, взгляды американских и российских студентов были скорее совпадающими, нежели сталкивающимися. Базовые ценности современного общества не оспаривались никем из участников. Дискуссии велись скорее об уровне, темпах, применимости классических схем демократического перехода и адаптивных возможностях социаль-

ной среды. Пессимистичный прогноз Д. Севостьяновой относительно скорого демократического будущего России совпадает с позицией Л. Мерфи. Одновременно высококлассные тексты А. Кочетова и Д. Шендэла позволяют увидеть и перспективы (те самые «точки роста») российской демократизации. Большинство авторов выделяют рациональные элементы в действиях нынешней президентской власти, чьи возможности сужены границами «политического коридора».

Анализ российской партийной системы, электоральные предпочтения российского общества, практика общенациональных, региональных и местных выборов были предметом обсуждения на «круглом столе» «Политические процессы в США и России. Выборы: Взрослые игры?» (ведущие – Елена Федорова и Алексей Кочетов). Как западные избирательные модели усваиваются на постсоветском пространстве? Каковы природа и уровень проявления современного абсентеизма? В чем заключается политическая роль «маленького» человека во время выборов? Что представляет собой феномен «Единой России»? И здесь звучали самые разные оценки. На важность учета интересов обычного гражданина, а не только высшей государственной целесообразности, обращает внимание Р. Бейкер. Он же говорит и о значении гражданского политического активизма. К удивлению, российские участники дискуссии оказались наиболее последовательными критиками современных выборных процедур в странах постсоциализма. И. Колесников, например, пишет, что «далеко не все государства, принявшие демократию, в ценностном смысле являются проponentами (устанавливают, усваивают и развивают) западных либеральных ценностей». С ним солидарен А. Филатов, утверждающий, что система прямого народовластия в современных условиях является утопией и скорее пожеланием на будущее. П. Еспи и К. Уайтзман показали недостатки российской партийной системы. Ценностно-нейтральное понимание выборных стратегий российских политических партий, когда анализируются сложившиеся политические феномены, предложили А. Кочетов и С. Топорков. Россий-

скими участниками дискуссии (Е. Дударева, О. Кулькова, Е. Федорова) была разносторонне проявлена тема абсентеизма.

Пятый, заключительный, раздел сборника – это фундированное погружение в проблемы современной российской политики и политической истории. Студенты попробовали на достаточно серьезном исследовательском уровне, с привлечением эмпирического материала осмыслить ход, промежуточные итоги трансформации российской политической системы и собственно результаты политических выборов. Такой подход нельзя не признать удачным.

Проведенный в июне 2006 г. семинар еще раз убедил организаторов в целесообразности не только продолжения, но и развития российско-американской программы по политологии и международным отношениям. Смеем утверждать, что это тот случай, когда живое общение студентов, их диалоги о политике не менее важны, чем официальные встречи руководителей самого высокого уровня. Надеемся, что поддержка данного начинания со стороны руководства Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина и Клемсонского университета станет надежным залогом успеха всех предполагаемых в дальнейшем проектов.

В. В. Романов,

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и политологии Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина;

Д. Г. Сельцер,

кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и политологии Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина.

**PREFACE, or
I have always considered myself Tambovskii**

The Clemson University-Tambov State University Russian Provincial Politics Program is a unique contribution to the world of international education and study abroad. All across the United States, universities continuously and passionately argue about the crucial necessity for American undergraduates to achieve a diversified and profound global understanding of the world in which they live. These are not empty words; it is paramount for the United States, if it wishes to remain a true and constructive partner to the global community, that it produces new generations of Americans who not only appreciate the complex world in which we all live, but also are able to engage that world in ways previous generations found impossible. These priorities are honored by the Russian Provincial Politics Program and it establishes a foundation for American undergraduates to understand the world beyond their beloved South Carolina.

The following commentaries come from the experiences of Clemson students in the summer of 2006. These reflections emerged largely from a series of political roundtables in which the Clemson students engaged their Russian peers across a broad and deep series of issues. The students have been given freedom to express themselves and complete independence in choosing their topic of focus. They are serious discussions, meant to not only reflect their own personal areas of interest but also give Tambov a sense of the thought processes American political science students go through. Some of the commentaries may not necessarily be flattering. This is the nature of political analysis, where often scholars work in criticism exactly because of how deeply they love a place. This is undoubtedly the case in this journal; without exception every single Clemson student fell in love with the glories of Tambov and especially fell in love with its people. Thus any critical commentary from them is not meant to be an insult to Tambov or Tambovians but is instead meant to be a sincere and hopeful entreaty to see Tambov always improve, always prosper and always remain the HEART OF RUSSIA.

15 years ago a young college student came to Tambov in order to experience Russia and learn the Russian language. No American had ever before come to Tambov to study. It was a difficult year as this young American ended up living and studying in Tambov during the collapse of the Soviet Union and the traumatic liberalization of prices. Despite the hardship and difficulties, what that young American left with was a life-time full of memories, a deep love for all things Russian and a profound conviction in the similarity of our peoples and the need to create greater ties between us all. 15 years ago he left Tambov vowing to become a professor, and, if given the chance, creating a program that would extend to his students the opportunity to see the Russia that he had fallen in love with, to see the Russia that only Tambov could give. I was that young student 15 years ago. I am that professor today. Over the years there has been no harsher critic of some of the choices and directions Russia has taken in trying to become a democracy. Despite that criticism, my love and dedication to Russia in general and Tambov in particular has never waned. This journal and our program is a testament to that spirit – the spirit that says the greatest patriots are those not willing to accept the status quo but instead always demand something better. I hope to one day see both of our countries in a true partnership. We will all be better, safer and happier because of it.

I am positive Clemson will always be thankful to Tambov for the opportunity given to our students. Our students will live the rest of their days with a piece of Tambov deep in their hearts. In just one short month they got to experience why, in spirit, I have always considered myself *Tambovskii*.

Dr. Matthew D. Crosston

Professor of International Relations
and Comparative Politics
Department of Political Science
Clemson University

**МОЛОДЕЖНАЯ КУЛЬТУРА РОС-
СИИ И АМЕРИКИ
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

РОЛЬ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

По образному выражению польского писателя Станислава Леца, «ребенок рождает своих родителей». Отталкиваясь от этой цитаты, можно сказать о том, что и молодежь, бесспорно, рождает общество, в котором ей предстоит существовать. Молодежь, по сути, задает темп современности. Зачастую старшее поколение относится не очень серьезно к этому факту. Только после того, как молодежь потеснила их, они традиционно говорят, что «молодым везде у нас дорога». Поэтому стратегически важно для любой страны, которая желает добиться успехов на мировой арене и во внутригосударственных делах, укрепить и преумножить свои достижения, уловить настроения молодежи и предать правильный вектор развитию нового поколения.

Формирование молодежных культур отдельных стран в условиях глобализации неизбежно происходит под влиянием общемировых процессов. Данная тенденция в полной мере проявила себя с середины 50-х гг. XX в. Как известно, в рамках традиционного уклада жизни общество развивалось, как правило, постепенно, опираясь, в основном, на опыт старших поколений. Поэтому сам феномен «молодежной культуры» долгое время не имел какого-либо самостоятельного значения. Впервые о нем серьезно заговорили в связи с рождением так называемой «техногенной цивилизации», более динамичной по своему характеру. Если ранее культура не делилась на так ярко выраженные на «взрослую» и «молодежную», то теперь у «отцов» и «детей» появились серьезные отличия и в ценностных ориентациях, и в моде, и в способах коммуникации, и даже в образе жизни в целом.

В результате происшедших сдвигов стремительное ускорение и обновление стали ведущими характеристиками жизни современных индустриальных обществ. Научно-технический и информационный прогресс делают их чрезвычайно динамическими системами. Поэтому в современной культуре присутству-

ет ярко выраженный слой инноваций, с помощью которых постоянно взламывается и перестраивается культурная традиция, затрудняя тем самым процессы адаптации взрослого человека к постоянно изменяющимся условиям и требованиям жизни. Поиски человеком самого себя, своей индивидуальности и социального статуса осложняются избытком выбора, сочетающегося с динамизмом и новизной. Такое положение вещей открывает огромные возможности для молодежи, перед которой не стоит задача приспособления к миру, так как это мир, в котором они выросли и сформировались как личности.

Эпоха глобализации активно стирает границы между государствами, различия между людьми, объединяет и унифицирует культуры на планете. И локомотивом этого процесса является молодежь. Именно она в силу отсутствия предрассудков и стереотипов, в силу своей открытости и свободомыслия распространяет идею глобализации. Поэтому, на наш взгляд, кажутся бессмысленными рассуждения о том, обратим или нет процесс глобализации, положительный он или отрицательный. Ответ очевиден: этот процесс естественный и необратимый, так как каждое новое поколение будет ускорять и распространять его.

Из осознания указанных тенденций естественным образом следует и понимание роли молодежи в современном мире и мировых процессах. Современная молодежь «родит» новое общество, взрослея и развиваясь, когда ее представители займут главенствующие позиции в мировой политике, экономике и культурной жизни общества.

Молодежь играет свою роль, зачастую не понимая всей ее важности. Она скорее подчиняется инстинктивному стремлению к развитию, познанию всего нового и изменению старого. Однако молодежь в современном мире, так или иначе, имеет гражданскую принадлежность к тому или иному государству. А поэтому каждое государство заинтересовано в правильном с его точки зрения направлении развития и становления молодежи. Каждое государство старается воспитать молодое поколение так, чтобы, ломая старое и создавая новое, оно действовало бы в рамках национального интереса, во имя прогресса государства.

Не удивительно, что самые прогрессивные и наиболее активно развивающиеся государства делают ставку на молодежь. С этой целью создаются различные молодежные национальные программы и проекты.

В частности, современная государственная молодежная политика Российской Федерации, учитывая тенденции социально-экономического и общественно-политического развития России в среднесрочной перспективе, определяет три приоритета:

1. Вовлечение молодежи в социальную практику и ее информирование о потенциальных возможностях развития в России.
2. Развитие созидательной активности молодежи.
3. Интеграция молодых людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, в жизнь общества.

Однако ни традиционная система образования и воспитания, ни государственная молодежная политика, ни общественные организации в переходный период развития России так и не смогли обеспечить целенаправленного воспитания самостоятельной, идейной, ответственной молодежи и ее подготовки к жизни в новом обществе. При этом комплекс проблем и противоречий, с которыми столкнется Россия в ближайшее десятилетие, формирует достаточно жесткий набор требований к новым поколениям. Именно поэтому большое внимание сегодня уделяется разработке и реализации новой национальной молодежной политики России в XXI в., которая должна сформировать и закрепить новые нормы поведения и ценности в общественных традициях.

Старшее поколение сменяется молодым, так есть и так будет всегда. Задачей современного общества и государства является умелое сочетание опыта старших с решительностью и активностью младших его членов. От молодежи зависит то, каким будет новый мир, а от старшего поколения зависит, то, какой будет молодежь.

**DIFFERENCES IN THE TREATMENT OF WOMEN
IN THE UNITED STATES AND RUSSIA**

As a woman in Russia, I felt certain differences in treatment of which I do not think my male counterparts on the trip were quite as aware. When a Russian man walked into a room, he would extend his hand in greeting to all the other men in the group. He did not shake hands with any women present. To a Russian, this is normal. This is civil, polite, and correct. As American women, we felt overlooked. This made an impression on each one of the American women on the trip to Tambov. I told the other girls that they should just extend their hand first and not let the cultural differences get in the way. While this is probably the mildest of all anecdotes, it sets a foundation for what is to follow – an examination of some of the basic differences between American and Russian women’s rights.

During our trip to Tambov, we met with several different government officials. One such official was the chief inspector of some of the most heinous crimes that have occurred in the region. While horrible crimes are not unheard of in the United States our mouths stood agape as he recalled local brutal murders and their investigations. When the question and answer portion of our meeting arose, I had a specific inquiry I needed to address. «Please, would you tell me how women are treated when they come to the authorities with a sex crime to report?» I asked. «Well,» the official stated through our most trusted translator, «at the office we have a joke. A woman comes into a bank with a \$100 bill. She hands it over to be exchanged. When the teller checks the bill, he informs the woman her money is counterfeit. The woman then immediately cries out, ‘I’ve been raped!’» An uncomfortable silence followed. I was shocked that anyone would take a sex crime accusation so lightly; and then to top it off, they would in turn accuse the rape victim of being a liar. I also felt there was a small hinting that the woman also came across the money in a dishonest or dishonorable fashion, perhaps making an

analogy between commercial activities initiated by women as only possibly being prostitution.

After the initial shock, I began thinking of other instances where Russian women seemed helpless. A Clemson student had the privilege of having a heart-to-heart with one of the waitresses that worked at our hotel café. Over the course of their lengthy discussion, the waitress opened up that she was almost raped as she went home after an evening at work. In the hallway of her apartment building, she felt a knife pressed up to her neck. Luckily, she was able to wrangle her way free from her attacker, get inside of her apartment, and lock the door. She escaped with cuts and bruises on her face. Later, she went to the hospital for medical examination and to report the crime. The person evaluating her practically laughed in her face about her supposedly minor injuries. Perhaps small crimes, like the Russian point of view on rape, are only important in small towns. It seemed clear to me that the most devastating aspect of sex crimes, recognized in the United States as the psychological trauma of the incident, whether the attacker was successful or not, is wholly dismissed as irrelevant in Russia. As a woman this is almost impossible to fathom and truly scary.

Another time, the waitress discovered her assailant lives in her very apartment building. She is unable to sleep at night because of the terror she has faced. Yet, the authorities crack jokes about sex crimes and do not pursue assaults. Maybe it is because I live in a small college town concerned with my safety, but if I were to go to the police with this same story, I know my complaint would be taken seriously. Maybe it would only result in a slap on the wrist and a restraining order, but I have faith that my police and my authorities would care and the societal reputation of my attacker would be so severely damaged that it is unlikely his life would remain unchanged at Clemson.

At our first roundtable, an American student broached a touchy subject. Her butt had been slapped by an officer in the MChS. She was understandably angry and her first instinct was to retaliate. In the U. S., she could have given a dirty look and told the officer to watch himself, or even cursed him out for being so rude and vulgar. If it was a peer, I have no doubt she would have been able to slap

him in outrage. However in Russia Professor Crosston warned us that slapping a man for taking unfair advantage of a woman would just open her up to the possibility of more violence from a Russian man. Could this cultural taboo really be true? Katherine asked some of our Russian peers how they would have responded in the same situation and she received a disappointing answer. One of the Russian students told her that she too had her butt slapped by a stranger. She said the best method of coping was ignoring the event and moving on. No retaliation should ever be taken. I understand the overarching priority of physical safety; if I thought my slap would only incur greater violence from a vulgar man, I also would do nothing. But where is the outrage at the injustice of such a societal norm? Where are the men of Russia who would NOT do such things? Why do they not stand up and proclaim such behavior is wrong? Why is everyone so willing to accept this as the norm?

From some Russians I met I felt a sense of desperation over their career and future financial prospects. They had a desire to leave Russia and find better pay elsewhere via a visa to freedom in the United States or Europe or even New Zealand among other places. Other girls knew their best ticket to the good life was marrying well. In Tambov I was told there is a 9 to 2 female-to-male ratio. Thus the prospect of marrying must be dim on its own without the additional factor of finding a well-off spouse. Even if the women manage to marry well-off no envy from me is to be found. In Russia, wives of men in power look the other way while their husbands have affairs and face the threat of losing their children forever should they ever decide to leave. Apparently some, but definitely not all, women in the Orthodox Church even take an extremist position on divorce. Even if their husband is abusive, they will not leave him, thinking that this trial is what God must have chosen for them in this life.

Another cultural difference between Russia and the United States becomes evident when examining professor and student relationships. Apparently, it is not frowned upon when Russian professors have sexual relations with their students. In the United States, this is a huge breach of ethical conduct and can be punished under sexual harassment guidelines, which are in place for the protection of

students. These guidelines allow a student to never feel they are under pressure to perform sexually for a professor to make the grade. When in discussion on this topic, some female Russian students inquired as to what if the student and professor relationship was about love. At Clemson, we have plenty of our own stories about how professors and students have fallen in love. This reason alone does not take away from the severity of potential ethical implications. I believe students' safety and their ability to study without feeling threatened because of their gender is more important. In the United States, we take professors' affairs with students seriously. At Clemson, professors can be fired from their job if they have an affair with a student not because Clemson is against love but because it understands the exploitation that is basically inherent between a professor and a student. There can never be an equality of power in a relationship between a student and a professor. Can love be true if so completely out of balance? I fear not.

The topic of women in business and politics arose in our final review of the pros and cons of our program in Tambov. One American student expressed feeling a palpable absence of women in government and in upper management positions in business. Professor Seltzer was quick to lecture our entire group on this. At one point he even brought up quota systems, and to our horror, tried to state quota systems are alive and well in the United States. In fact, quota systems are illegal and we instead use a somewhat controversial affirmative action programs. Affirmative action is when two equally qualified people apply for a job and preferential placement is accorded the minority or protected group, such as women. While affirmative action is supposed to help atone for the past discrimination of our nation, it is most importantly meant to give access today to qualified people who would otherwise not be offered a job because of their gender or ethnic background. The key to all such programs is the requirement that a candidate be at least equally qualified. Unqualified candidates do not receive jobs just because of their gender.

In the former U. S. S. R., quota systems were used in all jobs. So women were guaranteed positions. Even Professor Seltzer realized there could be flaws in this system. Equality between the sexes in the

workplace can never be achieved until both sexes are equally desirable in the workforce, which is obviously not the case when quota systems or affirmative action policies have to be used. In this arena, minorities or protected groups and their employers are left wondering if their new hires are qualified or won the genetic lottery.

In Russia, hierarchy seems tangibly present everywhere. There is the upper crust and then everyone else. Unfortunately, only a few men of power rule the upper crust. They seem to have all of the power – both in business and politics – in their own hands. In the United States, we at least try to technically separate power from politics and business, even if they can horribly influence one another at times. It seemed to me after a month in Russia that bending or breaking the rules WAS the rule, rather than trying to obey the rules for the good of all. I don't believe this is the same in the US, even though corruption certainly exists. It is an exception, not a rule.

This paper is written from the point of view of a concerned woman. Women deserve equal treatment and justice for the crimes committed against them. Everywhere, people deserve the right to feel safe so that they can realize their hopes and dreams. In the United States, I know many lucrative, exciting career paths that are open for me. All of these opportunities, no doubt, came at a cost. From the founding fathers to the women's movement, great citizens of the United States have been fighting for my right to access to great opportunities. This struggle never ends in the United States. I am proud to say that there is always a sense that we can be better, that our society can be more fair and more equitable. Over the course of my trip, I found Russian women to be graceful in their heels over the mercilessly rough terrain of Tambov, generous in inviting the American students to their homes to share in their bountiful summer vegetable harvests and proud of their rich heritage. These women deserve to be protected and taken seriously. They also deserve better representation in big business and their government.

The true beauty of democracy for me is a hope and a mechanism for the realization of change in the future. It is my duty and privilege to move the United States forward to achieving better treatment and equal treatment for all of its citizens. The United States does not

have a perfect government but it is the knowledge and hope that its citizens can always change it for the better that make our democracy strong. That is why the Constitution is a living document. Russia has democracy. Its citizens need to learn how to wield its magnificent power. I have the power to make my voice heard in the United States through voting, protests, and lobbying. A nation that is apathetic can never grow, change, or advance. Russia is a great country and capable of great change for the better. The first anecdote I presented will prove to also be a ray of hope for cultural change. One Russian student saw the cultural difference and made adjustments. The next time he met our group he shook everyone's hands – male and female.

Ю. К. Пичугина

«КУЛЬТУРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ» И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Наверное, каждого человека, интересующегося жизнью других стран, в той или иной степени можно назвать жертвой стереотипов. Однако расширение межкультурных контактов, активно происходящее в последнее время, позволяет преодолеть данную опасность. Международные обменные программы российских студентов с их коллегами из США являются лучшим тому подтверждением. Речь, конечно, идет не о «русских медведях в ушанках» и «американских ковбоях в шляпах». Этим легендам, вроде бы, уже давно перестали верить. Речь идет о взаимном понимании различий в национальных культурах и о преодолении сохраняющихся в этой сфере предрассудков.

Скажем, в России не принято улыбаться просто так, без повода. На основе этого была придумана целая теория об «американской улыбке», которую считают неискренней, «дежурной», чаще всего бесполезной. Однако в Америке, как известно, отношение к улыбке совсем другое. Это один из многочисленных примеров стереотипов, основанных на различиях культур.

Вообще, тема улыбок, смеха и юмора при детальном рассмотрении оказалась весьма обширной и любопытной. Вернемся снова к улыбкам: в американской культуре *принято* улыбаться. Если человек улыбается, это значит, что он мирно и дружелюбно настроен по отношению к окружающим, он готов общаться – именно так нам объяснили американские коллеги в ответ на мою просьбу прокомментировать информацию о стереотипе «американской улыбки».

А вот русский народ никак нельзя назвать «smiling nation», скорее наоборот. Порой приезжающим в Россию иностранцам кажется, что русские не умеют улыбаться вовсе, они все время мрачные, угрюмые, занятые своими бесконечными проблемами. У иностранца, не очень знакомого с русской культурой, попавшего на улицу любого российского города в час пик, складывается определенное мнение о целой нации. Вот так рождается еще один стереотип.

Люди на улицах действительно не очень-то расположены к общению, не улыбаются каждому встречному, и это абсолютно нормально для русской культуры. Но это не значит, что русские всегда такие хмурые, просто для улыбки нужна какая-то *причина* – смешная шутка, новый анекдот или просто хорошая новость. Если такой причины нет, то зачем улыбаться? В связи с этим еще одно различие в русской и американской культурах: американцы улыбаются *кому-то* – адресуют свою улыбку человеку, причем не всегда важно, знакомый он или нет, иногда просто хочется поделиться с кем-то своим хорошим настроением. Русские же улыбаются *чему-то* – той самой причине: анекдоту или новости.

Конечно, это не значит, что русские никогда не дарят свои улыбки людям. Просто русский человек улыбается только тем, кого он действительно рад видеть, только в этом случае есть смысл улыбаться.

Надо сказать, что не у всех американцев сложился стереотип о русских как о «gloomy nation», хочется верить, что постепенно он исчезнет совсем.

Как уже было сказано, русские улыбаются чему-то, то есть смешным шуткам, историям, анекдотам. В связи с этим необходимо упомянуть также о специфике русского и американского юмора, их сходных и различных чертах как об особенностях национальной культуры.

Возможно, из-за стереотипа «gloomy nation» о русском юморе в мире практически ничего не известно. Чтобы иметь представление о национальном юморе любой страны, необходимо услышать и понять хотя бы несколько известных шуток. Однако переводить русские шутки и анекдоты, наверное, бессмысленно, поскольку практически все они построены на игре слов, значений, интонаций, которые просто невозможно правильно перевести. Кроме того, большая часть русских анекдотов требует определенных знаний в различных областях: в российской истории, русской литературе, сказках, фильмах и т. п. Поэтому стоит ли пытаться объяснить иностранцу, не знающему русского языка смысл какого-нибудь простейшего анекдота про Чапаева и Петьку? Вряд ли.

Правда, об игре «КВН», не имеющей аналогов в мире, нельзя не рассказать, хотя ее нужно видеть и понимать. Тут очень кстати пришлось известная фраза: «учите русский, чтобы понимать юмор». Так и есть, без знания русского языка понять русский юмор невозможно.

Скорее всего, так же дело обстоит и с национальным юмором американцев. Естественно, мы не знаем многих особенностей национальной культуры, не знаем, над чем и над кем они чаще всего смеются. Однако удалось выяснить, что русский и американский юмор имеют сходные черты: и в России, и в США шутят над политиками, известными актерами и певцами и т. д. Кроме того, наиболее известные американские комедии в России видел почти каждый, а это немаловажно для того, чтобы иметь представление о юморе в целом.

А вообще-то, действительно ли юмор, смех и улыбки являются достаточно важной и достойной изучения темой? Есть же множество других аспектов в международных коммуникациях, которые кажутся более значимыми и нужными, скажем, основы

делового общения или язык жестов. Но нельзя не согласиться, что юмор играет далеко не последнюю роль в формировании национальной культуры. Фразу «Учите русский, чтобы понимать юмор» можно продолжить примерно так: «Понимая русский юмор, гораздо проще разобраться в особенностях национальной культуры». И это можно сказать не только о России, о любой другой стране, в том числе и о США. Без знания культуры страны невозможно наладить нормальные партнерские отношения, культура составляет основу для эффективного и успешного международного сотрудничества. И первыми шагами на пути к такому сотрудничеству являются совместные семинары студентов из России и США.

K. Brackett

A SERIOUS PROVINCIAL GENDER GAP

To the untrained eye, women and men across Russia seem to have equal opportunities in schools and the work place. New schools, businesses, and homes are springing up everywhere you look, leaving the impression of a progressive, growing community. Moscow is becoming a more popular place for travel and tourism with each year and a strong member of international business, full of opportunities for college graduates. The troubling part of this picture is that this is not exactly the case in smaller towns outside of Moscow. In smaller towns like Tambov, the development is slower and most definitely less open to all. In this essay, I argue that the few opportunities available in a small, provincial town like Tambov are not easily accessed by women because of a serious gender gap. Women are not treated as equals and instead are treated as inferior to the males with whom they live side by side in Tambov.

Women's position in society in Tambov is anything but where it should be in a country that has been a democracy for over a decade. The first example I saw of this was what I experienced as a female staying in Tambov for a month myself. When I was out in public,

whether it was just walking along the sidewalk, exercising, or simply getting a few groceries, you could feel the difference. Men were very aggressive in their behavior toward you or even just rudely obvious about their stares. In one incident, a man dressed in a Ministry of State Emergency uniform seemed to make no apologies for his actions when he grabbed at me while walking in the midst of a busy sidewalk during lunch time. I found this to be strange so I asked a few female colleagues who were native to Tambov. The female students advised me never to respond negatively to physical contact or taunting from males on the street because they could react violently. This basic example is apparently one of many instances that happen to Tambov women on an average day. Culture difference or no, I find it unacceptable.

This chauvinist behavior is surprising to anyone coming from a country where your body is protected by the law and it is common knowledge that men can be punished and fired from places of work for such actions. This legal status however can only exist in a state where women truly feel equal and where they feel they have the power and right to react. Some other responses I received when asking about my 'MChS' situation were that I should take it as a compliment or to just laugh at the situation because it is nothing surprising to have physical approaches by strange men when you are an attractive woman. This is a problematic situation for women growing up in Russia and wishing to pursue a career where they need to be taken seriously and professionally. This mindset should not exist in a democratized country where everyone is supposedly equal and has so-called equal access to all opportunities.

Russian female students questioned me on my opinion about sexual interactions with professors at Clemson University, or at American universities in general. When explaining exactly how inappropriate it was and that it was punishable by the university, the girls were shocked. They found it strange that no girls openly pursued a professor. There seemed to be no regard for the difference between a place of education and a separate social scene. There were no second thoughts given to how problematic this is in a learning environment, never mind the disadvantage it would put on male stu-

dents who did not have the same chance to use sex appeal to draw attention to themselves in the academic world. Again, the mindset of these young girls did not allow them to use just their minds to advance and gain access to positions of power. They seemed to openly seek the use of their sex-appeal and almost seemed resigned to the fact that this was a more powerful tool for them than their own talent and intellectual ability. This disturbs me greatly.

As long as young girls living in Tambov accept degrading actions and comments every day across simple situations, they will likely be grossly unprepared for the work place. Knowing that you can stand up for your individual rights with out fear of repercussions is a basic part of economic freedom in democratic societies. I am not sure if women in Russia have this freedom.

For women who go to school and work in Tambov, dressing in a certain way seems to be as important as what they will do that day. Despite the natural cultural difference between Russia and other Western nations, the dress for women in Tambov made women seem like something more to look at and admire than to work and learn with as an equal member of society. It did not matter what situation I was in or what time of day it was: I noticed the dress of women in Tambov as being much less casual than normal business attire in the United States. The girls were always in heels and skirts or had their hair and make-up done to perfection. Considering the long days of walking and public transport that Tambov locals endure everyday, it cannot be considered functional or convenient to wear high heels and short skirts each day.

It is arguable that this is merely a cultural difference and can be countered by the stereotype that Americans tend to dress sloppier than Russians and do not value style over comfort. What was most interesting to me was that when asking a few female students why they thought they always needed to be so extravagantly dressed up to simply go to one class or to just walk down the road, they replied that they never wanted to look unattractive. The students were very concerned with how they looked in public, especially when people like their professors or businessmen were present. This to me is another sign that women do not feel equal. It is true that it is very

normal for women all over Western countries to want to look attractive, but the experience did not feel the same for me in Tambov, or even in Moscow. When modes of dress are met with stares, comments, and even physical actions, women start to realize it might be their only effective tool to get the necessary professional attention from men. This creates a mindset that looking perfect at all times will generate responses that can help you in life and open doors of opportunity, if you happen to turn the right head at the right time. In a fully democratic state, this should not be so prevalent. There should be levels of appropriate dress in places of education versus your own personal night life. Your professional respect should not be tied so intimately to your sex-appeal or the beauty of your physical appearance. This is fine in Atlantida, but should not be the case at Tambov State University.

Perhaps these smaller examples can be as easily excused away, it is difficult, however, to completely dismiss public officials who use language that openly degrades women while in official meetings. In two specific examples, simple jokes managed to drop the jaws of an entire room of American students. First, a representative from Tambov's investigative unit for violent crimes such as rape and murder spoke with us openly about crime in Tambov. When asked if he thought Tambov shared the problem of rapes largely going unreported, as is often the case in the United States because women fear violent reactions from the accused, he answered with a joke. The joke unofficially implied that women would cry rape for any reason and darkly hinted that a major aspect of female commercial activity is limited to prostitution. This came from a high official charged with investigating sex crimes. If his attitude is so cavalier, what can society's be but worse?

A comment again was made by a politician and university official that the beautiful women of a provincial town like Tambov were a great example of good relations with outside regions because they were so desired. Even though meant as a compliment it was in the content of an official, televised meeting. When comments and jokes like these are found to be appropriate in a business and educational environment, it sets the precedent for women to be overly-concerned

with their beauty and makes men in society regard women only as objects of sexual attraction. The joke about rape only further degrades rape victims and suggests that women cannot be trusted. These comments set unprofessional and uncomfortable environments for women to speak without fear. I considered it no coincidence that in the meeting with the university official very few women would ask questions in comparison to the number of men, who frequently asked bold questions.

The differences in how women in Tambov think and act cannot be ignored any longer. The environment in which women currently live, work, and learn is not healthy in general but is especially disturbing for a supposedly growing democratic region. Women need to feel safe while walking alone, free to express what they think without fearing males' reaction, and they need to feel smart and powerful without using sex appeal to get the ear or eye of a powerful person. This mindset will not change without society changing the environment that allows it to persevere. There needs to be an understanding that women are to be respected as equals and are not comfortable being yelled and stared at constantly. When the young girls of this region think it is ok to be touched by strangers or that it is appropriate to have sexual relations with professors there is a serious breach of ethics and equality. Smaller regions like Tambov need to better prepare the minds of their female students for the work place in the larger world where sexual harassment and discrimination are punishable and unacceptable. Tambov women deserve better and I can only hope for their futures.

У. В. Сепеда

**РЕЛИГИЯ И СУЕВЕРИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ КУЛЬТУРЕ
РОССИИ И США: ОПЫТ СРАВНЕНИЯ**

При всех очевидных цивилизационных различиях современные российская и американская молодежные культуры име-

ют множество схожих черт. Во многом данное обстоятельство связано с тем влиянием, которое оказывает сегодня на мир процесс глобализации. Однако имеются и другие, более глубинные, факторы, позволяющие говорить о тождественности некоторых тенденций развития как российской, так и американской молодежи в начале XXI в. Мне хотелось бы затронуть вопрос о месте религии и суеверий в молодежной культуре двух стран.

Россия и США, как известно, являются светскими государствами. Церковь в них отделена от власти. Тем не менее, роль церкви в жизни и российского и американского общества чрезвычайно велика. Государство регулирует, по сути, внешний мир человеческого бытия: принимает законы, по которым живет каждый гражданин, контролирует соблюдение его прав и обязанностей. Церковь же имеет непосредственное отношение, прежде всего, к духовному миру, который проконтролировать и ограничить какими-то определенными рамками практически невозможно.

Суеверия – явления, пришедшие к нам из прошлого, когда церковь не имела большого влияния на каждого человека. Многие из суеверий восходят еще к язычеству и, на первый взгляд, не могут сосуществовать с ортодоксальными традициями церкви. Однако такой противоречивый симбиоз церкви и суеверий все же реально существует в разных религиях и разных странах. Именно он играет значительную роль в формировании менталитета каждого народа и во многом определяет поведение той или иной страны на мировой арене.

Россия – многоконфессиональная страна, граждане которой исповедуют христианство (представленное преимущественно православием), а также ислам, иудаизм, буддизм и др. Около 85 % населения России считают себя верующими. Но лишь 15 % из них регулярно посещают церковь, различные службы, соблюдают все религиозные традиции и придерживаются поста. Безусловно, во многом это проявление последствий ушедшего в прошлое тоталитарного советского режима, когда господствовала атеистическая идеология, полностью отрицался Бог и разрушались церковные сооружения.

Несмотря ни на какие трудности, в России сейчас идет процесс возвращения к вере: возводятся новые храмы, реконструируются и реставрируются старые, все чаще население нашей страны вспоминает церковные праздники. Совсем недавно Министерство экономического развития и торговли России разработало концепцию законопроекта «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения». Этот документ предлагает передать в собственность религиозным организациям имущество, которое сегодня находится в безвозмездном пользовании церковью, но принадлежит государству. Имеется в виду все имущество «религиозного назначения»: культовые здания и сооружения с относящимися к ним земельными участками; движимое имущество (внутреннее убранство культовых зданий и сооружений или предметы, предназначенные для богослужебных и иных религиозных целей).

Примечательно, что большинство современной российской молодежи практически ничего не знает о религиозных традициях своей страны. Далеко не каждый молодой человек сможет сказать, к примеру, что символизирует пасхальное яйцо.

Какие тенденции развития духовной сферы существуют сегодня в США? Как и в России, в Соединенных Штатах представлено множество конфессий. Добрая половина американского населения каждое воскресенье посещают церковь. Это и пожилые люди, и целые семьи с детьми. Тем не менее, многие молодые американцы посещают церковь не из-за глубокой веры в Бога и не в силу личных убеждений, а из-за того, чтобы угодить своим родителям. Для американской молодежи посещение церкви и воскресных служб больше семейная традиция, нежели глубокий внутренний порыв.

На мой взгляд, эти факты позволяют проследить общую тенденцию, которая складывается в американском и российском обществах: молодежь, не смотря ни на что, уходит от религиозных традиций, делая их больше достоянием истории человечества, нежели повседневной формой жизни современного человека. Эта проблема уже не раз обсуждалась не только на национальном, но и на международном уровне. Так в преддверии

саммита «большой восьмерки» в Москве состоится религиозный саммит. На нем планируется обсуждение, в том числе, и вопроса о роли религии и веры в современном мире. Большое значение этому религиозному саммиту придает и ООН. В своем послании религиозным лидерам Генеральный секретарь этой авторитетной международной организации К. Аннан, подчеркивая необходимость «межконфессионального диалога» в современном мире, отметил: «Люди веры – мужчины и женщины – оказывают значительное влияние на личное и общественное поведение. Будучи пастырями и наставниками, вы можете быть проповедниками перемен, вдохновляя людей на новый уровень общественного служения. Вы можете способствовать преодолению барьеров невежества, страха и непонимания, которые распространяются в нашем мире, подобно чуме».

Уход от веры ведет к появлению множества суеверий. Россия – одна из тех стран, где суеверия и религия уживаются довольно спокойно, и не просто уживаются, а являются неотъемлемой частью жизни практически каждого человека. Русские, к примеру, боятся встретить на своем пути женщину с пустыми ведрами, так как это «обязательно» принесет неудачу; практически никто не свистит в своем доме – это рассматривается как угроза материальному благополучию. У студентов существует множество своих примет. Например, во время сессии многие студенты кладут в ботинок под правую пятку 5-рублевую монету, некоторые не моют голову перед экзаменом и входят в аудиторию только с правой ноги – все это, якобы, должно стать гарантией удачи на экзамене. Список российских суеверий можно продолжать до бесконечности.

Однако не только Россия, но и США в XXI в. все еще оглядываются на всевозможные суеверия. Можно сказать, что суеверия просто процветают в США. Иногда эти пережитки «старинны глубокой» заметно влияют на жизнь государства. В июле 2003 г. Администрация США переименовала скоростное шоссе номер 666 в 491-ю дорогу, так как ранее многие местные жители отказывались пользоваться дорогой. Опрос службы «Gallup», проведенный в 2000 г., показал, что 25 % американцев назвали

себя «очень или частично суеверными». Судя по литературе, самые распространенные суеверия среди американцев таковы:

- 13 % верят в негативную энергию разбитого зеркала;
- 11 % боятся черной кошки;
- 9 % не любят номер 13;
- добрая половина населения приходит в ужас от числа 666.

Американцы, так же как и русские, стучат по деревянной поверхности, чтобы «не сглазить». Существует множество профессиональных (в том числе студенческих) примет. Например, студенты в Массачусетском технологическом институте натирают нос статуи изобретателя современной фотопленки Джорджа Истмана перед каждым экзаменом. Одна из статуй Йельского университета лишилась своей ступни, так как студенты чрезмерно старательно натирали ее, чтобы получить лучшие оценки.

Таким образом, суеверия довольно сильно укрепились как в российской, так и в американской молодежной культуре. Можно смело утверждать, что, изучая все указанные традиции каждой нации, мы станем способны лучше понимать ее менталитет, а это, в свою очередь, поможет нам предугадывать ее поведение на мировой арене в той или иной ситуации.

M. Buch

SEARCHING FOR THE MISSING MIDDLE CLASS

Throughout my visit to Russia, I became aware of many different aspects in the country, which from my perspective appear very conflicting. I observed that there are many things that can be improved but probably never will. My observable research in Russia aids my understanding that the government is not interested in being a true democracy for the people. My visit has convinced me that Russia feels as if they are a small enough country to have all the decisions made by the federal government and have no power or trust given to the vast majority of the citizens. After spending time with professors, students, business owners, and politicians it becomes ap-

parent that the governmental decisions made in Russia cause a weak economy and therefore a lack of job opportunities. Although the economy in provincial Russia and Moscow are noticeably different, I think there should be a reasonable solution to improve the economy in all of Russia. In this essay I will discuss my observations on the lack of job opportunities in provincial Russia, the poverty, and the absence of a middle class.

While spending time with students from Tambov State University, I learned many things about their economic status and their goals for their personal futures. Russian students explained that their education did not guarantee financial success and they did not feel that anywhere in Russia, including the city of Tambov, could provide enough of an opportunity for a comfortable income. Many students expressed their desire to move to Europe or America but also explained how leaving their country was unpractical and unaffordable. An education from the university is not strong enough to allow Russians to open a business somewhere in the European Union or America. Although the idea of opening a business in Russia seems desirable to the citizens it is also unpractical. There are few opportunities for jobs because the elected governmental officials seem to regulate businesses in their own favor. An average citizen in Russia cannot decide to start a business and have enough money to do it. It is surprising to an American that a loan cannot be taken from a bank in order to start a business (at least not one that is governed by a *normal* annual interest rate percentage below ten percent) and that there is no faith in the guarantee of borrowed money being returned after profiting from a business.

All of the power and decision-making in businesses seems to be made by the government or the well-connected, which appears to put a cap on people's income by effectively limiting their opportunities, even circumscribing their very imaginations of what is possible. Students experience great difficulty after graduating from college if they are trying to create an independent space for themselves in the Tambov business world. Many students plan to move to Moscow for a better chance of owning a successful business or working for a business that will provide what they consider to be real incentives but I am skeptical: how much real opportunity is there in a megapolis like

Moscow? Perhaps it is already overburdened by population and the idea of a ‘Moscow Dream’ might be just that – a fantasy.

The poverty in provincial Russia is something that surprised me the most. The number of people in Tambov and the agricultural potential left me to think there should be a plethora of specializations across jobs. When comparing the poverty in the outskirts of Moscow to the poverty in the city of Tambov, the untrained eye would not see that they are equal. The fertile soil and the valuable resources in the Tambov region should be able create a system that boosts the economy. Instead it seems there are wasted opportunities to make money and therefore poverty remains a grinding, ever-present issue. The residential areas are what show the most poverty in Russia. Average families live in tiny apartments and most students continue to live at home while in college because it is the only affordable situation. It seems to me that the poverty in Moscow is average for a large city and since there is the overall impression of more job opportunities people often leave cities like Tambov to find a career there. For this reason I do not think provincial areas like Tambov will ever be able to make a dramatic change in their economy – I fear brain-drain will always be a major issue in provincial cities like Tambov. Keeping home-grown talent and rewarding it accordingly and giving it the freedom to develop independently should be a major priority for the local Tambov government. I think it understands this but I am not sure what it can really do about it.

Due to the weak economy and the powers behind questionable decision-making, I have very little faith that there will ever be a shift in status and power among the sharply-divided classes in Tambov. At first it was difficult for me to comprehend the absence of a middle class in a democratic society but as I observed the people, the city, and the way of life I understood that it was completely possible in Russia. My concluding reason for why there is no middle class in Russia is because there aren’t job opportunities for the educated people that will pay a wage that is truly self-sufficient. Higher education in the US will almost always mean income will be higher. This is not the case in Russia. The yearly income in Russia seems horrendously low to me across a broad and diverse swath of occupations. The elites, the privileged few, live a spoiled life in Tambov and seem quite intent on making sure the system remains

exactly as it is – set up to give them everything and leaving very little for the vast majority of people. This is ultimately a hypocritical paradox that cannot sustain itself – so few should not be allowed to dominate so much while so many suffer unjustly.

Although everyone in Tambov seems to manage their everyday lives without public complaint, things are extremely unfair. If a city the size of Tambov has, for example, one hundred extremely wealthy people, while the remaining 349,900 live in a financial condition that most Americans would consider hovering near the poverty line, then the amount of corruption in Russia's financial system is so pervasive that I cannot imagine it being easily overcome. I do not believe that a democracy can work in Russia with an elite group of people owning, regulating, and controlling the welfare of a country the size of Russia. I observed that the privileged few in Russia have an unreasonable advantage due to their political powers and while they certainly express concern for their fellow Russians I did not really see true change or real initiatives being done to help the situation change. And why would they? The system is in their best interests – are Russians waiting for gradual change to come in and of itself? As Americans like to say, I would not hold my breath!

The privileged place of an elite few in Tambov, and their ability to maintain a political and economic system that benefits only them, leaving little real opportunity for talented and independent thinkers, leaves little wonder why there is no effective middle class development in Tambov, or in all of Russia for that matter. The importance of the middle class should not be underestimated when it comes to the health of a society and the vibrancy of a country's democracy. It is only when the majority of people live comfortably in a self-sustaining middle class that Russia can truly experience the benefits of democracy – where people have the leisure time and the disposable income to truly be involved in politics and truly impact the political and economic directions of the country. Until then I am afraid people in beautiful, wonderful towns like Tambov will simply be too busy trying to barely scrape by to impact anything. If you really don't know if you will make it through today you can't afford to think about all the changes necessary for tomorrow. Only a middle

class can do that for Russia. I hope eventually it will develop. Russia, and the Russian people, deserves it.

С. В. Родионова

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ВЕРБАЛЬНОЙ И НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В РОССИИ И США

Анализируя молодежную культуру России и США, мне хотелось бы обсудить некоторые особенности вербальной и невербальной коммуникации, которые характерны для двух стран. Понимание этих особенностей, бесспорно, поможет участникам нашей программы расширить свои представления друг о друге.

Знакомство с «загадочной русской душой» можно начать, например, с рассмотрения принятой в нашей стране формы извинения. Как правило, в России трудно услышать такую фразу: «Извините меня, если я толкну вас, когда буду выходить из автобуса». Чаще всего мы извиняемся только «по факту совершения» какого-либо поступка. Наиболее распространенным для нас вариантом извинения можно считать следующие слова: «Я наступил вам на ногу? Ну, извините». В США, как выяснилось, «предварительное» извинение является широко распространенной нормой общения.

Многим американцам кажется очень грубым, если мы резко заканчиваем разговор. В то время как для нас фраза «Ну, мне пора. Пока!» – вполне обычна и совершенно необидна. В Америке же разговор принято завершать постепенно, увеличивая интервалы между репликами, переходя на нейтральные темы. Не очень корректными американцы считают вопросы о том, какой партии они симпатизируют или какую религию они исповедуют. В то время как у нас легко могут спросить даже совершенно посторонние люди о том, за кого мы голосовали на последних выборах.

Ряд коммуникативных особенностей наших стран можно проследить на примере студенческой субкультуры. В частности, предлагаю вспомнить обычный семинар в университете. Преподаватель задает студенту вопрос о дате отмены крепостного

права в России. Студент молчит. В этих условиях, как правило, со всех концов аудитории раздается шепот: «Это было при Иване Грозном»; «В 1861 году»; «Крепостное право вообще не отменяли». В данном случае проявляется российское стремление к *взаимопомощи*. Случалось, что каждый из нас хотя бы раз не конспектировал лекцию преподавателя с надеждой, что позже коллеги по курсу *обязательно* дадут ее переписать. Для нас такое поведение студентов считается нормой. В то время как в США распространены совершенно другие понятия. Американцы традиционно убеждены в том, что учиться в университете нужно *самостоятельно*. В качестве примера можно взять эпизод из американского фильма, рассказывающего о не очень умной девушке, поступившей в Гарвард. На первом же занятии ей был задан вопрос, на который она не смогла ответить. При абсолютной тишине в аудитории незадачливую девушку попросили покинуть университет. Все студенты посчитали, что это было правильным решением.

Мне бы хотелось упомянуть и еще об одной особенности российской молодежной культуры. Если студент в нашей стране провалил экзамен, то чаще всего он будет винить в этом *преподавателя*. А в том случае, если студент получил на экзамене «отлично», то нередко можно от него услышать такие слова: «Я преподавателю все рассказал, а он все задает мне новые вопросы. Короче, не хотел пять ставить. Но я на все ответил, ему деваться было некуда!». Другими словами, для российских студентов характерно воспринимать экзамен как «борьбу с преподавателем».

Для российской вербальной коммуникации характерны и такие особенности, как гиперболичность (в большей мере, чем в других странах), недосказанность и витиеватость. Так же знаменито наше хождение «вокруг да около». Например, вы хотите, чтобы кто-то написал за вас реферат. Мало кто просто подойдет и попросит об этом. Скорее всего, вы будете задавать своему приятелю такие вопросы: «А ты что ближайшие две недели делаешь? А рефераты у тебя хорошо получаются? А ты мне правда друг?».

Помимо вербальной, существует и невербальная коммуникация или язык жестов, характерный для каждого народа. Многие специалисты в этой области убеждены, что большая часть

человеческого общения происходит именно при помощи жестов, поз и соблюдения расстояний между людьми. И в данной сфере различия между США и Россией вполне очевидны.

Начну с понятия, которое для русских не имеет особого значения – это понятие «личного пространства». Наши «замечательные» очереди и общественный транспорт стерли из нашего сознания данное понятие. Поэтому для россиян одной из самых распространенных ошибок при общении с иностранцами является «несоблюдение расстояния», что может быть воспринято как агрессивность с нашей стороны или даже как сексуальное домогательство. «Физический контакт» между малознакомыми или незнакомыми людьми для России также считается нормой. Одного американца очень удивила часто встречающаяся у нас картина: две девочки-подружки прогуливаются, держась за руки. Для американцев это значит, что они не подруги, они «partners». В России же к этому относятся спокойно.

Очень разнятся в России и США трактовки простого рукопожатия. В России такое рукопожатие чаще всего рассматривается как альтернатива слову «здравствуйте» у мужской половины населения. В США же рукопожатие используется, как правило, при знакомстве или при поздравлении.

В России класть ноги на мебель неприлично. Американцы же ничего неприличного в этом не видят и поэтому спокойно располагаются даже на официальных мероприятиях так, как им удобно. Делают они это не потому, что хотят нас чем-то оскорбить, а потому, что в их стране это *нормально*.

Несколько слов хотелось бы посвятить чисто русским жестам. Так, привычный для нас жест, означающий «я сыт этим по горло» (проведение ребром ладони по шее), никогда не используется в США в таком значении. Необычным и интересным для американских студентов может показаться русский жест, показывающий состояние опьянения.

В целом приведенные мною примеры наглядно демонстрируют необходимость изучения особенностей как вербальной, так и невербальной коммуникации. Эти знания чрезвычайно нужны специалистам в области «международных отношений»,

которым приходится на практике заниматься взаимодействием людей различных культур.

**МЕЖДУНАРОДНАЯ
БЕЗОПАСНОСТЬ:
РОССИЙСКИЕ
И АМЕРИКАНСКИЕ ПОДХОДЫ**

**ВЗГЛЯД «СПРАВА»:
РЕСПУБЛИКАНЦЫ О НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСАХ
США ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»**

Окончание «холодной войны» поставило перед американским внешнеполитическим сообществом вопрос об определении национальных интересов США в условиях, когда глобальное противостояние двух сверхдержав (США и СССР) ушло в прошлое. Демократическая администрация президента У. Клинтона, пришедшая к власти сразу после окончания «холодной войны», включила в сферу национальных интересов Соединенных Штатов распространение демократии и связанные с этим гуманитарные интервенции. Примером таких интервенций является американское вторжение на Гаити в 1994 г. с целью смещения военного правительства, пришедшего к власти в результате переворота; в Боснию в 1995 г., во имя прекращения жестокой гражданской войны; в Косово в 1999 г., чтобы остановить этнические чистки. Президент Клинтон и члены его внешнеполитической команды решили, что после окончания «холодной войны» Соединенные Штаты должны взять на себя ответственность за мировой порядок. Прежде всего американское руководство стремилось к прекращению существовавших конфликтов на этнической и религиозной почве. При этом самым эффективным средством достижения данной цели считалось применение американской военной силы. По мнению экспертов, участвовавших в разработке внешней и оборонной политики демократов, Америке, в условиях новой стратегической ситуации, следует, кроме того, способствовать установлению демократических режимов и защите прав человека во всем мире, ориентируясь, однако, не только на односторонние действия, но и на многосторонние механизмы решения мировых проблем¹.

¹ A National Security Strategy of Engagement and Enlargement. The White House. Washington, D. C. February 1995; A National Security Strategy for a New century. May 1997. <http://clinton2.nara.gov/WH/EOP/NSC/Strategy/>; Lake

Специалисты в области безопасности и внешней политики, работавшие на республиканскую партию, а также политики, принадлежащие к консервативному политическому спектру, имели свой взгляд на американские национальные интересы в мире после «холодной войны». «Новая эра определяет новую повестку дня. Наша стратегия в период после «холодной войны» основывается как на наших идеалах, так и на наших интересах», – говорилось в предвыборной платформе республиканской партии¹.

Первую попытку точно квалифицировать национальные интересы США в новую эпоху предприняли эксперты из Фонда «Наследие». Они составили меморандум, который, по их мнению, должен был стать основой американской стратегии безопасности на период после окончания «холодной войны». Аналитики сравнивали свой меморандум с «длинной телеграммой» Дж. Кеннана, ставшей обоснованием политики «сдерживания» во время советско-американского противостояния. Специалисты Фонда выделяли семь жизненно важных интересов США, восемь важных и пять второстепенных².

Жизненно важные интересы:

- защита территории и воздушного пространства США;
- защита жизни и благополучия американцев;
- предотвращение угрозы Европе, Восточной Азии и Персидскому заливу со стороны крупной державы;
- недопущение вмешательства извне в дела Западного полушария;

A. From Containment to Enlargement. Address at the School of Advanced International Studies, Johns Hopkins University, Washington, D. C. September 21, 1993 // U. S. Department of State Dispatch. Vol. 4. № 39. <http://dosfan.lib.uic.edu/ERC/briefing/dispatch/1993/html>; Albright M. The testing of American Foreign Policy // Foreign Affairs. 1998. November / December. P. 50-64; Berger S. A Foreign Policy for the Global Age // Foreign Affairs. 2000. November / December. P. 22-39; Talbott S. Democracy and the National Interest // Foreign Affairs. 1996. November / December. P. 47-63.

¹ Republican Party Platform. August 17, 1992 / Historic Documents of 1992. Wash., 1993. P. 833.

² Making the World Safe for America: A U. S. Foreign Policy Blueprint / Ed. by K. R. Holmes, T. G. Moore. The Heritage Foundation. Washington, D. C., 1992. P. 37-38.

- свобода международной торговли и инвестиций;
- свобода мореплавания;
- свободный доступ к природным ресурсам.

Важные интересы:

- стабильность в Европе;
- предотвращение возврата России к империалистической политике;
- более открытый Китай;
- стабильность на Среднем Востоке;
- расширение американского сотрудничества с Японией в области экономики, политики и безопасности;
- способствование экономическому росту в мире;
- содействие свободе, международному закону и порядку;
- противодействие проникновению на американскую территорию наркокартелей и преступных организаций.

Второстепенные интересы:

- стабильность в Юго-Восточной Азии;
- стабильность в Южной Азии;
- гуманитарные операции;
- политическая стабильность и экономический рост в Африке;
- охрана окружающей среды.

В 1995 г. республиканский кандидат в президенты Р. Доул, в программной статье «Определяя глобальное будущее Америки» представил свое видение национальных интересов США¹. Его позиция во многом повторяла рекомендации специалистов Фонда «Наследие». Кроме того, сенатор особо подчеркивал, что национальные интересы не могут быть защищены без вовлечения Америки в мировые дела. Поэтому американское лидерство является важным стратегическим приоритетом Соединенных Штатов.

Таким образом, нельзя не заметить, что республиканская иерархия национальных интересов США в постбиполярном мире практически не отличалась от той, что сложилась в предше-

¹ Dole B. Shaping American Global Future // Foreign Policy. 1995. № 98. P. 29-43.

ствующий период, т. е. во время советско-американского противостояния. Республиканский список приоритетов был больше похож на новое издание стратегии «сдерживания», чем на новую повестку дня. Консерваторы отнесли гуманитарные операции к второстепенным интересам, а распространение демократии вообще не включили в список американских внешнеполитических приоритетов. Очевидно, что они были против таких действий Америки на мировой арене, которые, по их мнению, неоправданно подвергали опасности жизни американских военнослужащих. Даже если эти действия преследовали такие цели, как распространение демократии и гуманитарная помощь.

Во второй половине 1990-х гг. позиция республиканцев по основным вопросам, связанным с разработкой внешнеполитической стратегии, претерпевает изменения. Видимо, на это повлиял более глубокий анализ экспертами новой мировой ситуации и исходящее из этого более полное осознание тех выгод, которые может принести Соединенным Штатам их положение единственной сверхдержавы. Консервативные аналитики стали подчеркивать необходимость не просто американского лидерства, а американской гегемонии. «Только американская гегемония надежно защитит международный порядок в меняющемся мире. Поэтому главная цель американской внешней политики в сохранении этой гегемонии настолько долго, насколько возможно», – указывали известные американские политологи У. Кристол и Р. Кейган¹. Но при этом важно, подчеркивали поддерживающие данный тезис вице-президент Фонда «Наследие» К. Холмс и аналитик этого Фонда Дж. Хиллен, выбрать стратегические приоритеты среди американских интересов и ясно видеть пути достижения цели². В связи с этим авторитетный американский специалист в области безопасности, помощник президента по национальной безопасности и госсекретарь в администрациях Р. Никсона и Дж. Форда, Г. Киссинджер считал, что идея гума-

¹ Kristol W., Kagan R. Toward a Neo-Reaganite Foreign Policy // Foreign Affairs. 1996. July/August. P. 23.

² Holms K., Hillen J. Misreading Reagan's Legacy. A Truly Conservative Foreign Policy // Foreign Affairs. 1996. September/October. P. 167.

нитарных интервенций в наступившую эпоху выдвинута обоснованно. Но американские лидеры, решившие послать войска в места типа Сомали, Боснии или Гаити, должны четко «ответить на ряд вопросов, среди которых: где и во имя каких целей Соединенные Штаты готовы применить военную силу? на какой риск они могут пойти? какие меры до применения силы им следует предпринять? на протяжении какого времени?»¹.

К необходимости четко обозначить внешнеполитические приоритеты призывала и К. Райс, ставшая впоследствии помощником президента по национальной безопасности в первой и госсекретарем во второй администрации Дж. Буша-младшего. По ее мнению, отсутствие ясно сформулированных целей может повлечь за собой тенденцию возврата к изоляционизму или создать вакуум, который заполнится сиюминутными соображениями. «Национальный интерес» не должен подменяться «гуманитарными интересами» или «интересами международного сообщества», а американские вооруженные силы не должны использоваться во имя абстрактных принципов во благо всего человечества. Райс не отрицала, что стратегические интересы США могут быть затронуты некоторыми локальными конфликтами, как, например, в Косово, но всегда необходимо видеть глубинную суть ситуации и принимать решения, исходя из стратегической мотивировки. Гуманитарных проблем не бывает в чистом виде, все они имеют под собой политическую подоплеку. Поэтому США должны быть готовы иметь дело с политическим конфликтом и, следовательно, поддержать одну из противоборствующих сторон².

Взгляды К. Райс, принадлежащей к новому поколению американских политиков, можно определить как неоконсервативные. Неоконсерваторы считают, что мир находится в состоянии перманентной борьбы между силами добра и зла. Америка должна возглавить борьбу против сил зла и нанести им поражение. Это должно принести миру стабильность и благополучие.

¹ Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? М., 2002. С. 307.

² Rice C. Promoting National Interest // Foreign Affairs. 2000. January/February. P. 45-62.

Известный американский специалист в области безопасности Р. Зеллик полагал, что, несмотря на ряд положительных тенденций, в мире после окончания «холодной войны» все еще существует зло. Его олицетворяют не только люди, ненавидящие Америку, но и идеи, лежащие в основе их деятельности. Враги Америки усердно трудятся над развитием производства ядерного, биологического и химического оружия, а также средств его доставки. Поэтому Соединенным Штатам нужно быть бдительными и иметь силу для защиты от врагов. По мнению Зеллика, Америке не нужно стесняться своей силы, ее национальные интересы должны соответствовать статусу единственной сверхдержавы. Только в этом случае американская политика будет пользоваться уважением как дома, так и за границей. Соединенным Штатам следует уважительно относиться к интересам других наций, но это не должно парализовать их способность достигать поставленных целей¹.

Проанализировав внешнеполитические взгляды неоконсерваторов, профессор колледжа международных отношений имени Сэма Нанна Р. Кеннеди пришел к выводу, что неоконсерваторы уверены в моральном совершенстве Соединенных Штатов². Поэтому они предлагали проводить одностороннюю политику, а не стремиться к установлению многостороннего механизма решения мировых проблем (к чему всегда стремилась администрация Клинтона), т. к. международные институты чрезвычайно медленно идут на достижение соглашений и чрезвычайно редко добиваются реальных успехов. Кроме того, многосторонняя политика ограничивает возможность Соединенных Штатов использовать свою огромную мощь для выполнения морального долга и ведет к передаче на откуп коррумпированным правительствам других стран принятие важных решений по политическим и военным проблемам. Неоконсерваторы выступали против политики умиротворения. Показательным истори-

¹ Zoellick R. A Republican Foreign Policy // Foreign Affairs. 2000. January/February. P. 68-70.

² Кеннеди Р. У США останется меньше друзей и появится больше врагов // Международная жизнь. 2005. № 7-8. С. 129-144.

ческим примером переговоров, которые привели к проигрышу, они считают Мюнхенское соглашение 1938 г. Они были против переговоров с С. Хусейном, возглавляли оппозицию во время переговоров с Ираном и Северной Кореей, а также были против любого давления США на Израиль с целью принуждения израильского руководства к переговорам с палестинскими «террористами». Неоконсерваторы убеждены, что умиротворение должно устраняться мощной военной силой, которая способна нанести поражение любому врагу, и желанием использовать ее в одностороннем порядке. Коротко говоря, как сформулировал известный американский специалист в области безопасности Р. Такер, «гегемонистическая мощь Америки определяет ее особую ответственность за мировой порядок, который может быть установлен только «посредством инструментов американской мощи»¹.

Таким образом, взгляды неоконсерваторов, которые стали определяющими при формировании стратегии национальной безопасности администрации президента Дж. Буша-младшего, сводятся к нескольким основным тезисам. Во-первых, в хаотичном мире после окончания «холодной войны» американская мощь, прежде всего военная, является единственным реальным инструментом достижения национальных интересов и защиты от угроз безопасности Соединенным Штатам. Во-вторых, международные организации только мешают Америке выполнять миссию борьбы со злом, т. к. перераспределяют американскую мощь в пользу других, не всегда разделяющих цели США, государств. Америка олицетворяет собой моральный идеал и не нуждается в чьем-либо одобрении для придания легитимности собственным действиям. Но, видимо, вопрос о легитимности как раз и является наиболее уязвимым местом неоконсервативного подхода к решению проблем безопасности в постбиполярном мире. В силу своего сверхдержавного положения Соединенные Штаты стремятся к определенной свободе действий в отражении угроз, справиться с которыми способны только они. Но если определить угрозу и предпринять действия по ее нейтрализации

¹ Tucker R. W. Alone or With Others. The Temptations of Post-Cold War Power // Foreign Affairs. 1999. November/December. P. 19.

Америка способна самостоятельно, то обеспечить эти действия международным легитимным статусом она не в состоянии. Для западной политической культуры сдержки и противовесы – необходимое условие справедливости и свободы во внутривнутриполитической жизни страны. Как утверждал британский ученый и политик Р. Купер, «наши внутривнутриполитические системы направлены на ограничение власти... Мы ценим плюрализм и господство права в своих собственных странах, и демократическим обществам, в том числе и американскому, очень сложно избежать мысли об их желательности в международных делах»¹. Другими словами, в ряде случаев, монопольное использование силы правительством Соединенных Штатов не будет считаться легитимным и может быть поставлено под сомнение не только международным сообществом, но и большинством американского общества, что стало бы провалом всей неоконсервативной политики.

Н. А. Козлова

ПРОБЛЕМА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СОВРЕМЕННОМУ «ЯДЕРНОМУ ТЕРРОРИЗМУ»

Обладание ядерным оружием или технологиями его разработки сегодня уже не является привилегией избранного круга государств. Секреты ядерных технологий стали достоянием не только так называемых государств-изгоев, к этому стремятся многие экстремистские группировки.

Данная проблема не является простой для понимания. Для всестороннего ее анализа следует учитывать ряд факторов. Стоит начать с общепризнанного определения. Под «ядерным терроризмом» предлагается понимать разновидность терроризма, характерной чертой которого является нанесение в террористических целях ядерного удара, т. е. подрыва ядерного заряда, что порождает грандиозный по своим масштабам и разрушительной

¹ Цит. по: Кейган Р. О рае и силе: Америка и Европа в новом мировом порядке. М., 2004. С. 115.

силе взрыв, вызываемый высвобождением ядерной энергии. Ядерный заряд может являться как частью боеприпаса, так и частью взрывного устройства мирного характера.

При этом, по нашему мнению, под «ядерным терроризмом» следует понимать не только сам теракт с применением ядерного заряда, но и угрозу применения такого акта. Для противодействия такой угрозе государства должны использовать уже имеющиеся средства, которые направлены в целом на подрыв финансовой, организационной и иных основ терроризма. Вместе с тем следует применять меры по предотвращению распространения ядерного оружия, иначе говоря, усиливать глобальный режим нераспространения ядерного оружия, эффективность которого напрямую связана с отведением угрозы ядерного терроризма.

С проблемой «ядерного терроризма» тесно связан и вопрос о радиационном (радиологическом) терроризме. Речь идет о разновидности терроризма, характерной чертой которого является использование для террористических целей вредоносного воздействия радиации. В качестве иллюстрации можно привести такие акции террора, как подрыв (захват) атомной электростанции (АЭС), хранилища радиоактивных отходов, приведение в действие радиологического оружия и т. п.

Для создания примитивного радиологического оружия – «грязной бомбы» (англ. *dirty bomb* или RDD – Radiological Dispersal Device) – необходимо наличие обычного (неядерного) взрывного устройства и радиоактивного материала, который в результате взрыва распространяется на определенной территории и излучает радиацию.

Государства не первый год озабочены угрозами ядерного и радиационного терроризма. Мировое сообщество предпринимает меры, направленные на предупреждение подобных актов. К проблеме радиационного терроризма имеет отношение не так давно вступившая в силу Конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом. На протяжении последних нескольких лет разрабатывается и специальная Конвенция о борьбе с ядерным терроризмом.

Государства-участники так называемой Большой восьмерки на проходившем в июне 2002 г. саммите в Канаскисе приняли

заявление, в котором выразили глубокую обеспокоенность возможностью доступа террористов к оружию массового уничтожения и смертоносным материалам. Было принято решение об учреждении Глобального партнерства на основе Большой восьмерки против распространения оружия и материалов массового поражения («The G8 Global Partnership Against the Spread of Weapons and Materials of Mass Destruction»). Эти и другие решения были подтверждены и развиты на саммите Большой восьмерки в Эвиане в июне 2003 г. Несомненно, ценные инициативы и конкретные действия по реализации принятых решений все же требуют выработки не только политических, но и юридически обязывающих государства документов.

Огромная работа проводится в рамках МАГАТЭ. Одним из направлений деятельности Агентства является выработка норм и рекомендаций относительно физической защиты ядерного материала и ядерных установок. Следует заметить, что в последние годы (после событий 11 сентября в США) особое внимание стало уделяться мерам защиты от возможных террористических действий, при этом ядерная безопасность стала трактоваться гораздо шире, нежели ранее.

В качестве приоритетных направлений борьбы с ядерным и радиационным терроризмом можно выделить следующие:

- совершенствование имеющихся и выработка новых международных соглашений в данной области, а также национальных правовых актов;
- координация действий международных организаций, компетентных органов государств, имеющих отношение к проблеме;
- создание единой информационной сети всех инцидентов, связанных с радиоактивными веществами;
- включение в программы подготовки сотрудников правоохранительных органов соответствующих занятий;
- информирование населения о степени опасности различных радиоактивных элементов, правилах поведения в случае возникновения угрозы совершения террористических актов с

возможным применением радиоактивных веществ и при непосредственном совершении подобных актов;

– выработка организационных и технических основ обеспечения безопасности ядерных и радиационных веществ, обнаружения их незаконного оборота и др.

Подлинную эффективность любым международным усилиям может обеспечить лишь деятельность государств на международной арене, не противоречащая действующим нормам международного права. При этом очень важно обеспечивать баланс между обеспечением надежного механизма контроля и защиты опасных материалов и их нормальным международным оборотом, баланс между противодействием существующим угрозам и суверенными правами государств.

О. Л. Бучкевич

США И ИРАНСКАЯ ЯДЕРНАЯ ПРОГРАММА

В своей статье я хотела бы затронуть такую важную на сегодняшний день проблему, как иранская ядерная программа в контексте современных международных отношений. В центре моего внимания будет находиться ось конфронтации «Вашингтон – Тегеран» и наиболее конфликтогенный ее участок – ядерная программа Исламской республики Иран (ИРИ).

Прежде всего следует определить некоторые особенности политической обстановки, в которой Тегеран приступил к ускорению работ по своей ядерной программе. Когда Вашингтон доказал, что готов пустить в ход свою доктрину упреждающего удара, у намерений Ирана обладать ядерным оружием появился известный стратегический смысл. Вину за это стремление нельзя полностью возложить на Тегеран. После того как Соединенные Штаты вторглись в Ирак, который не был ядерной державой, но уклонялись от применения силы против Северной Кореи, уже являвшейся таковой, иранцы пришли к заключению,

что ядерное оружие – это единственное эффективное средство удержать США от военных действий.

В Иране существует два подхода к проблеме разработки ядерной программы: радикальный и прагматический. Аятолла Махмуд Хашеми Шахруди, глава судебной власти, выражая непримиримую позицию радикалов, сказал: «Наш национальный интерес состоит в том, чтобы сопротивляться Большому Шайтану. Мы клеймим любое проявление трусости по отношению к Америке и любые слова о компромиссе с Большим Шайтаном».

Прагматики из числа последователей Хомейни полагают, что выживание режима связано с проведением более разумного внешнеполитического курса. Сегодня они объединяются вокруг бывшего президента – влиятельного Али Хашеми Рафсанджани и занимают ключевые посты в системе национальной безопасности. Один из ведущих деятелей этой группы Мохаммед Джавад Лариджани, в прошлом законодатель, утверждает: «Мы не должны проводить в отношении остального мира политику, которую бы я назвал политикой упрямства».

Верховный религиозный правитель Ирана аятолла Сейед Али Хаменеи балансирует между позициями этих двух лагерей. Как главный религиозный идеолог теократического режима, он разделяет революционные убеждения сторонников жесткого курса и их стремление к конфронтации. Но как глава государства, он должен защищать национальные интересы Ирана и искусно сочетать идеологический и государственный подходы. За 16 лет пребывания на посту верховного правителя Хаменеи стремился уравновесить влияние идеологов и реалистов, надевая обе группы определенными полномочиями, чтобы не допустить доминирование одной из них. Однако последнее время меняющаяся политическая карта Ближнего Востока заставила его несколько изменить эту тактику. Учитывая опасное наступление американской сверхдержавы на границы Ирана, Хаменеи, один из наиболее решительно настроенных иранских «ястребов», вынужден по некоторым проблемам сближаться с прагматиками.

Мирная ядерная программа по всем правилам игры на мировой арене не должна вызывать нарекания со стороны США и

европейских держав. Иран имеет право разрабатывать мирный атом. В 1969 г. Иран присоединился к Договору о нераспространении ядерного оружия, а в 1970 г. ратифицировал его. С 1958 г. Иран является членом Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ). Он неоднократно заявлял о стремлении использовать атомные технологии исключительно в мирных целях. С февраля 1992 г. Иран предоставил МАГАТЭ возможность инспектировать любые ядерные объекты на своей территории. Следует подчеркнуть, что до настоящего времени многочисленные проверки МАГАТЭ не выявили никаких нарушений, позволяющих трактовать развитие иранской ядерной энергетики как немирной, преследующей цели создания оружия массового уничтожения. В декабре 2003 г. Иран подписал с МАГАТЭ Дополнительный протокол к Соглашению о гарантиях, трактуя этот шаг как новую меру доверия, призванную продемонстрировать мирную направленность и прозрачность иранских ядерных программ. Тем не менее парламент ИРИ до сих пор не ратифицировал этот протокол. Одобряя, в принципе, идею мирного атома, США заявили о своей поддержке европейского предложения разрешить Ирану развивать гражданскую ядерную программу в обмен на отказ от обогащения урана.

Однако проблема, как считают в Вашингтоне, заключается в том, что объявленные Тегераном разработки вряд ли можно считать мирными. По мнению некоторых ученых, уже к 2007 г. Иран будет обладать собственной ядерной бомбой. Этот факт может стать не только решающим ударом по глобальному режиму нераспространения ядерного оружия, но и потенциально может явиться новым очагом военной напряженности как в региональном, так и в глобальном масштабе, учитывая фактор ядерного оружия.

Поскольку Иран находится под пристальным вниманием международной общественности, любой провокационный шаг со стороны Тегерана приведет к тому, что другие страны станут положительно воспринимать возможный «карательный» подход Вашингтона и предпримут шаги по еще большей изоляции теократического режима. В одном из интервью министр обороны

Ирана Али Шамхани, принадлежащий к лагерю прагматиков, предупредил, что «наличие ядерного оружия превратит нас в угрозу для других, и это может быть опасным образом использовано для того, чтобы навредить нашим отношениям со странами региона». Экономическая составляющая ядерной дипломатии также подталкивает прагматиков к сдержанности, поскольку ослабленная экономика Ирана не может позволить себе подвергнуться многосторонним санкциям.

Поскольку в иранском руководстве нет согласия по вопросу о том, как сочетать ядерные амбиции с экономическими потребностями страны, у Вашингтона есть возможность не позволить Тегерану переступить ядерный порог, не используя военную силу. Вашингтон может усилить свое воздействие, проводя работу со странами, играющими наиболее значительную роль в сфере международных экономических связей Ирана. К их числу следует отнести государства Западной Европы, Японию, Россию и Китай. Так, Китай уже сыграл существенную роль в формировании ракетного потенциала Ирана, поставляя ракеты дальнего радиуса действия (CSS-6s – по западной классификации) и ракеты класса «земля-земля» (CSS-8). Китай, кроме того, оказал Ирану помощь в строительстве нескольких ракетных исследовательских и производственных центров. Вашингтон, по сути, намерен любыми средствами убедить Иран в необходимости сотрудничества. США следует сделать так, чтобы Иран оказался перед выбором: либо ядерное оружие, либо экономическое оздоровление. Чтобы четко обрисовать Тегерану альтернативы, стоящие перед ним, понадобится существенно повысить как размеры дивидендов, которые он получит за уступчивость, так и цену, которую придется заплатить за неповиновение.

Тем не менее Тегеран отверг принятую Советом управляющих МАГАТЭ резолюцию с требованием прекратить все работы по обогащению урана. Постоянный представитель Ирана в этой организации Али-Асгар Солтание заявил о невозможности приостановления Ираном своей деятельности в ядерной сфере. Иранские специалисты сняли пломбы с оборудования, установленного в Исфаханском ядерном центре инспекторами ООН, и

возобновили переработку урана. Вашингтон отреагировал незамедлительно. Президент США Джордж Буш в интервью израильскому телевидению вновь заявил, что не исключает применения военной силы в отношении Ирана. Президента тут же поддержали влиятельные круги в американском Конгрессе. Другими словами, проблема противостояния между Вашингтоном и Тегераном по иранской ядерной программе сегодня все еще далека от своего разрешения.

D. Schendel

RUSSIA AS SAVIOR IN THE IRAN CONFLICT

Iran's recent decision to develop its nuclear program has been highly criticized by the United States. The US has also disapproved of Russia's help to Iran. After debating this topic in a forum I have changed my mind on the issue. If Iran is going to develop its nuclear program, regardless of outsider influence, I would feel more comfortable having the Russians help in the creation, use, and storage of nuclear energy and wastes.

Even though Russia may not have the best track record on keeping tabs on all of its own nuclear materials in the past, having someone observe the progress and function of Iran's nuclear program would help ease suspicions. Clearly there are advantages of nuclear energy that can benefit the Iranian people. But there are some legitimate concerns in reference to Iran having nuclear capability. My largest fear is not a direct attack from Iran, but the ability of Iran to sell nuclear materials to people who have the ability and the will to carry out an attack on the US or other countries that could be targeted for an attack. Russia, for example, is under no threat of attack from Iran. But can Russia truly guarantee that all of the radical Islamic groups that Iran tacitly supports feel so benevolent to Russia? Can Russia guarantee it is immune from a «third party attack» facilitated through this increased nuclear capacity in Iran? I think not.

My hope is that selling or «misplacing» nuclear materials would be less likely under Russian supervision and aide. Because of the recent conflicts in the Middle East, it may be in the best interest of the United States to take a back seat on this issue. This gives Russia a large responsibility. With nuclear power, lives are always at stake. It is important that Russians realize that if their nation was to take on the duty of helping the Iranians develop nuclear energy, the misuse of this energy on another nation could be very damaging to Russia on the world stage. I am not saying that Russia is not up to the task. I am saying that it is a risk and should be dealt with as much care as possible. We may all in the end be relying on Russia.

В. С. Куш

«ИНИЦИАТИВА ПО ЗАЩИТЕ ОТ РАСПРОСТРАНЕНИЯ»: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Инициатива по защите от распространения (ИЗОР)¹, была обнародована президентом США Дж. Бушем 31 мая 2003 г. Важным составляющим элементом американской стратегии борьбы с распространением была названа тогда деятельность стран-участниц по выработке мер по пресечению перевозок, связанных с распространением оружия массового уничтожения (ОМУ), морским, воздушным и наземным транспортом. ИЗОР направлена на выявление, предотвращение и пресечение незаконного оборота и трансграничного перемещения связанных с ОМУ материалов и средств доставки, в том числе «черного рынка» таких материалов. Достижение успеха в деле нераспространения требует введения ограничений на передачу ядерного сырья и технологий, поощрения эффективных инспекций Международного агентства по атомной энергии и укрепления стандартов защиты ядерных материалов и установок.

¹ Английское название – Proliferation Security Initiative (PSI).

Россия присоединилась к группе государств-основателей инициативы по защите от распространения оружия массового уничтожения в мае 2004 г. Странами так называемого «ядра» ИЗОР являются 15 государств, в том числе Канада, Франция, Германия, Италия, Япония, Нидерланды, Польша, Португалия, Испания, Австралия и Россия. В том или ином виде содействовать целям ИЗОР высказали готовность свыше 60 государств. В сообщении российского МИД было отмечено, что «ИЗОР – потенциально полезный механизм в борьбе с угрозой распространения ОМУ, в том числе с ее новым измерением – возможностью обретения ОМУ террористами».

ИЗОР – это шаг вперед в развитии духа и буквы резолюции Совета Безопасности ООН № 1540, которая призывает все государства-члены ООН «предпринять совместные усилия», чтобы предотвратить связанную с распространением ОМУ контрабанду. Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан приветствовал деятельность всех стран, активно участвующих в Инициативе, и привел ее как пример совместных действий, которые должны быть предприняты для снижения глобальной угрозы распространения ОМУ. В представленном в 2004 г. Генеральным секретарем ООН докладе группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам приводится пример контрабандной сети пакистанского ученого-изменника А. К. Хана как напоминание о том, что необходимы новые усилия для пресечения подпольной торговли компонентами, используемыми для создания ядерного, химического, биологического или радиологического оружия.

Однако не стоит забывать о проблемах, с которыми могут столкнуться союзники по ИЗОР в процессе выполнения пунктов своей программы.

Резолюция № 1540 предоставила Совбезу такие полномочия и функции в сфере разоружения, нераспространения и контроля над вооружениями, которые ему несвойственны и которые должны осуществляться только в контексте обязательных в правовом отношении международных договоров и соглашений, согласованных на многосторонней основе, устанавливающих равные правовые обязательства для всех государств.

Данные правовые обязательства не должны устанавливаться для государств-членов ООН без их полного участия и суверенного согласия, выраженного посредством подписания или ратификации. В этом смысле чувство большой озабоченности вызывает то, что Совбез, состав которого, как известно, носит ограниченный характер, принял резолюцию по вопросу, который нуждался бы в дальнейшем обсуждении на специализированных международных форумах по вопросам разоружения, контроля над вооружениями и нераспространения.

Учреждение в соответствии с резолюцией № 1540 Комитета Совбеза, как представляется, подразумевает создание отдельного режима по вопросам нераспространения, введение которого привело бы к подрыву и даже на практике к возможной подмене им роли и функций режимов международных договоров и организаций в этой области.

Не меньшую озабоченность вызывает сфера охвата принятой резолюции. Хотя ее основные сторонники настаивали на том, что ее объектом являются так называемые «негосударственные субъекты», в действительности она идет гораздо дальше объявленной цели не допустить приобретения этими субъектами ОМУ, средств его доставки или связанных с ним материалов. В различных местах текста говорится о международных договорах и соглашениях, принятых государствами в этой сфере, и от них требуется обеспечить их полное выполнение.

Ни ИЗОР, ни резолюция № 1540, по сути, не способны предотвратить попадание в руки террористов ОМУ. В представленном документе говорится, что «полное запрещение и ликвидация ОМУ, включая ядерное оружие, является единственной гарантией того, что такое оружие не попадет в руки террористов. В этой связи государства, обладающие ядерным оружием, несут по статье VI Договора о нераспространении ядерного оружия... обязательство вести переговоры в целях достижения ядерного разоружения».

Все же прочие инициативы, подобные ИЗОР или резолюции № 1540, не только идут во вред многосторонности и международному сотрудничеству и вовсе не предназначаются для под-

рыва и подмены собой существующих международных договоров по вопросам разоружения, контроля над вооружениями и нераспространения, участниками которых является большинство государств мира. Международному сообществу стоит помнить о том, что получение террористами доступа к ядерному, химическому, биологическому или радиологическому устройству означало бы только одно: массовую гибель людей и разрушения, далеко превосходящие по своим масштабам все то, что случилось в США 11 сентября, а также в Беслане, в Мадриде, на Бали и в ходе других недавних терактов, вместе взятых. Россия, США и более 60 других государств – участников ИЗОР ежедневно общаются и работают над тем, чтобы подобный кошмар никогда не стал реальностью ни в одной точке мира.

И. В. Шушкова

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ И МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ (на примере Шанхайской организации сотрудничества)

Роль региональных объединений в решении основных проблем международной безопасности сегодня весьма значительна. Решение таких актуальных вопросов современности, как международный терроризм, экстремизм, угроза распространения оружия массового уничтожения требует значительных усилий со стороны не только ООН как основного гаранта мира и безопасности на планете, но и ряда региональных объединений. В их ряду можно назвать, например, военно-политическую организацию НАТО, новую чисто политическую структуру Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) или такое экономическое объединение, как Североамериканская ассоциация свободной торговли (НАФТА). Объяснить участие таких несхожих по назначению и функциям организаций в решении обозначенных проблем можно тем, что на данном этапе глобальные угрозы во всем их многообразии требуют специальных подходов, и не

только политических, но и сугубо экономических, экологических и военных.

Примером подобных подходов может служить Шанхайская организация сотрудничества. ШОС уже продемонстрировал миру все грани своего нового формата. Широкомасштабные военные маневры в Китае и Индии, традиционные командно-штабные учения в Таджикистане и Киргизии под эгидой Организации договора коллективной безопасности (ОДКБ) – это первое мощное проявление военной составляющей нарождающегося азиатского военно-политического альянса.

Одновременно динамично развивается сотрудничество между странами Центрально-азиатского региона в экономической и гуманитарной областях. Особенно сильно Пакистан, Индия и Россия сблизилась после стихийных бедствий в регионе, когда Москва оказала своим союзникам масштабную помощь.

Еще одна важная проблема, которую призван решить новый блок, связана с необходимостью дискуссионной площадки для поиска компромисса между Индией и Пакистаном и последующего исторического примирения Дели и Исламабада. Сегодня эти ядерные державы уже делают первые шаги на встречу друг другу, однако совместная работа в рамках ШОС может придать этому процессу новый формат и необходимый динамизм. Арбитрами в данном случае могут выступить влиятельные региональные центры силы – Россия и Китай.

Оценивая роль ШОС в современном однополярном мире, премьер-министр России Михаил Фрадков заявляет, что «ШОС открыта и будет использовать все возможности, чтобы стать синтезирующим фактором в международных отношениях». В настоящее время страны-участницы Организации переходят на финансирование конкретных проектов, и не только в области торгово-экономического сотрудничества. Хотя экономические планы тоже впечатляют.

ШОС вынужден реагировать на новые вызовы современности – терроризм, экстремизм и наркотрафик. ШОС на деле становится серьезным стабилизирующим фактором международной жизни, существенным элементом международной архи-

тектуры. При этом Шанхайская организация сотрудничества не направлена против третьих стран. «Наша организация – это открытая организация. Мы не нацелены против каких-либо третьих сторон», – заявил в этой связи премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао.

Сфера деятельности ШОС со времени создания организации значительно расширилась. Сегодня в качестве актуальных пунктов повестки дня на смену пограничным вопросам и мерам доверия в военной области приходят задачи совместного реагирования на современные вызовы и угрозы, развития торгово-экономического, транспортного сотрудничества. Шанхайская организация призвана стать щитом, который защитит страны-участницы от террористической угрозы. Для этого проводятся совместные антитеррористические учения с участием правоохранительных сил. Кроме того, вырабатываются механизмы оперативного реагирования на чрезвычайные события. Причем важно то, что целью является не только адекватно реагировать, но и действовать на упреждение актов терроризма. Этому будет способствовать скорейшее завершение работы над составлением единого реестра запрещенных террористических организаций, дальнейшее совершенствование законодательной базы для противодействия угрозам. Необходимо сообща выработать единые подходы, стараясь гармонизировать их с учетом национальных интересов каждой из сторон. Особую важность приобретает взаимодействие ШОС с Контртеррористическим комитетом Совета Безопасности ООН, расширение полезных контактов с другими международными организациями, занимающимися схожей проблематикой. Это тем более важно в условиях нарастания противоречий в международном сообществе по целому ряду проблем, касающихся развития демократических процессов, реформирования ООН, распространения ядерного оружия. Объединение усилий в рамках ШОС в целях обеспечения безопасности, расширения потенциала Организации не ущемляет интересы других стран и не означает движения в сторону создания какого-либо блока, полностью отвечает принципу открытости

ШОС и духу широкого международного взаимодействия в противостоянии новым вызовам и угрозам.

С. В. Хомутинкин

АМЕРИКА И «НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК»: ОЦЕНКИ ГЕНРИ КИССИНДЖЕРА

Окончание биполярного противостояния и распад Советского Союза вызвали широкую дискуссию в американском политическом истеблишменте о контурах новой мировой системы и роли в ней Америки. Свое видение этих проблем предложил и Генри Киссинджер, крупный представитель школы «политического реализма», бывший помощник президента по национальной безопасности и государственный секретарь США в администрациях Р. Никсона и Дж. Форда.

Ряд аспектов формирующегося миропорядка Киссинджер рассматривает как принципиально новые явления в международных отношениях. Он указывает, что «сегодня вестфальский порядок переживает системный кризис. ... Не только Соединенные Штаты, но и многие европейские государства отвергли принцип невмешательства в дела других стран в пользу идеи гуманитарной интервенции». Знаковой тенденцией современного мира Киссинджер называет объединение небольших государств в более крупные структуры, которые своей совокупной мощью пытаются противопоставить себя традиционным лидерам в регионе: АСЕАН – Китаю и Японии (в будущем, возможно, и Индии), ЕС и МЕРКОСУР – Соединенным Штатам. Кроме того, идущая быстрыми темпами глобализация представляется Киссинджеру далеко не ясной по своим последствиям. Она «привела к беспрецедентному, хотя и неравномерному, процветанию, [однако] необходимо еще выяснить, не ускоряет ли она кризисных явлений... не создает ли она тем самым предпосылки глобальной катастрофы»¹.

¹ Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? М., 2002. С. 6-7, 9.

Распад Советского Союза и окончание «холодной войны», указывает Киссинджер, породили «еще большее искушение переделать мир по американскому образу и подобию»¹, чем после двух мировых войн. Однако Киссинджер не разделяет уверенности ряда представителей американской академической элиты – У. Уолфорта, Дж. Голдгайера, Зб. Бжезинского – относительно того, что современная международная система является однополярной и останется таковой в средне- и долгосрочной исторической перспективе². Он выступил с критикой политики администраций Дж. Буша-старшего и Б. Клинтона, которые «говорили о новом мировом порядке, словно он находится за ближайшим углом». Киссинджер считает, что международные отношения на рубеже XX-XXI вв. переживают этап трансформации, и окончательное становление контуров нового мира возможно не раньше первой четверти наступившего столетия³.

Среди важных особенностей методологического подхода Киссинджера к проблеме нового мирового порядка необходимо указать на его стремление к использованию исторических аналогий. В частности, он обращается к одной из своих любимых тем – «европейскому концерту» XIX в. Киссинджер считает, что нарождающаяся международная система будет многополярной, с пятью или шестью центрами силы. Среди них он называет Соединенные Штаты, «Большую Европу», Китай, Японию, Россию и, возможно, Индию. Ключевым компонентом обеспечения стабильности данной системы Киссинджер видит общность ценностей основных геополитических игроков. «В современную эпоху, – подчеркивает он, – эти ценности обязаны быть демократическими»⁴. Запад, создавший, по сути, две наиболее жизнеспособные системы равновесия – Венскую и Ялтинско-Потсдамскую – должен быть готов к тому, что предлагаемая им модель может быть отвергнута незападными обществами. Характерно, что Киссинджер выступил с критикой политики

¹ Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 733.

² Шаклеина Т. А. Россия и США в новом мировом порядке. М., 2002. С. 70, 73, 108.

³ Киссинджер Г. Дипломатия. С. 733-734.

⁴ Там же. С. 761.

администрации Клинтона по «распространению демократии», указывая на опасность истощения ресурсов в результате сверхвовлеченности и появления напряженности в отношениях с другими центрами силы (к примеру, по вопросу о правах человека в КНР)¹. Поэтому важной задачей сегодня, по мнению Киссинджера, является поиск консенсуса между великими державами относительно базовых принципов нового миропорядка. Для этого каждый из центров силы должен будет переосмыслить свои традиционные концепции внешней политики. Только тогда нарождающаяся международная система будет отвечать своему главному, согласно Киссинджеру, критерию – стабильности.

Осмысливая роль Америки в новом мировом порядке, Киссинджер указывает на настоятельную необходимость выработки ею долгосрочной стратегии, основанной на приоритете национальных интересов, хотя это, по его собственному признанию, в значительной степени не соответствует историческому опыту Соединенных Штатов. Американские идеалы, наиболее полно воплотившиеся в вильсонизме, согласно прогнозам Киссинджера, отойдут на второй план и будут обеспечивать «веру, позволяющую Америке пройти через все сомнения выбора в несовершенном мире»². Необходимость поиска нового равновесия сил вызвана ростом национализма в постбиполярном мире: в отсутствие непосредственной угрозы многие державы попытаются проводить более независимую внешнюю политику (примеры – стремление Германии к главенству в ЕС и активная политика Японии в АТР). Киссинджер не исключает достижения равновесия даже в военной области (прежде всего Китае), хотя для достижения подобного положения могут потребоваться десятилетия. «Еще четче, – продолжает он, – эти тенденции проявятся в экономической сфере, где американское преобладание уже уходит в прошлое, – бросать вызов Соединенным Штатам стало более безопасно»³. Поэтому Америка, скорее всего, в XXI в.

¹ Киссинджер Г. Дипломатия. С. 758, 760; Киссинджер Г. «Билл Клинтон – циник, но не совсем...» // Литературная газета. 1996. 4 дек. С. 14.

² Киссинджер Г. Дипломатия. С. 763.

³ Там же. С. 15.

будет «первой среди равных», что, впрочем, не должно сильно беспокоить ее ввиду длительного пребывания в изоляции. Первенство США, согласно Киссинджеру, проявится прежде всего в их стабилизирующей роли а главное, в их противостоянии – при минимальном международном консенсусе или даже в отсутствие оного – вызовам новому мировому порядку. Поиск ответа на вопрос, какие цели должна преследовать Америка и чему ей следует сопротивляться во что бы то ни стало, является одной из основных задач лидеров страны в начале XXI в., считает Киссинджер¹.

Не все во взглядах Киссинджера является ясным. Голландский исследователь Г. Блюминк, к примеру, указывает на неопределенность способов сбалансирования национальных интересов какой-либо из ведущих держав с ее сверхнациональными интересами². Кроме того, недостаточно глубоко изучены Киссинджером и проблемы влияния глобализации и технологического прогресса на международные отношения.

Многие наблюдатели указывают еще и на то, что на протяжении всей своей академической карьеры Киссинджер, как правило, рассматривал себя в качестве педагога, призванного научить американцев «правильно» вести внешнюю политику. Именно с этим связан его призыв к Америке выйти за рамки исторического опыта и впредь руководствоваться в своих действиях «старой, как мир» концепцией баланса сил. Насколько прав в своих прогнозах и рецептах «доктор дипломатии» Киссинджер, покажет время. Отметим только, что его влияние на текущую политику администрации Дж. Буша-младшего, видимо, незначительно. Сегодня в ней тон задают прежде всего правые республиканцы, вроде Д. Рамсфелда и Р. Перла.

¹ Киссинджер Г. Дипломатия. С. 737; Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? С. 17.

² Bluemink, G. J. K. Kissingerian Realism in International Politics. Political Theory, Philosophy and Practice. Amsterdam, 2000. P. 104.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ И СТРАНАХ СНГ

РОССИЙСКИЙ ТРАНЗИТ: КОНСТАТАЦИЯ ПРОЙДЕННОГО

Транзит – это переход государств к современному уровню развития в западноевропейском его понимании. Двигается ли Россия под руководством президента В. В. Путина к демократии?

Трудно не согласиться с мнением В. Банса, что «в России имеется крайне невероятная, с серьезными изъянами, но все же прочная демократия». Несмотря на крайнюю озабоченность, вызванную недавней политической реформой в России, я полагаю, что по-настоящему кардинальным изменением с 1991 г. стала сама возможность дальнейших перемен. Система, установленная при Б. Н. Ельцине и измененная при Путине, по крайней мере, несет потенциал для дальнейших перемен, даже если многие признаки указывают на тенденции, по меньшей мере, тревожащие. По ряду причин, и, прежде всего из-за генетической неспособности советской номенклатуры к преобразованиям, оказалась нереализуемой так называемая «китайская модель» реформ, ориентированная на постепенное создание рыночной экономики при сохранении устоев существующей политической системы. Пришлось вводить гласность и многопартийность до возникновения саморазвивающейся экономической системы. С помощью такой политики удалось бескровно преодолеть первую волну сопротивления номенклатуры.

Демократизация, открывшая путь к реформам, но опередившая создание рыночного хозяйства, неизбежно вела к крайнему ослаблению государственности и механизмов управления. В результате реформы приобрели полустихийный, слабоуправляемый характер. Оказалось невозможным обеспечение социальных гарантий и государственной поддержки граждан.

Существенной причиной того, что кризис перехода к новой общественной системе у нас оказался особенно глубоким, явились субъективные и социокультурные факторы: ошибки и пороки руководителей преобразований, отсутствие у основной

массы населения умений и навыков использовать преимущества новых порядков и нивелировать вызываемые ими противоречия, атмосфера общественной аморальности.

Применительно к современной российской демократии широко используется термин «номенклатурная демократия». В отличие от подлинной демократии, благами которой могут пользоваться все члены общества, номенклатурная демократия служит интересам привилегированных групп – старой и новой бюрократии, крупного бизнеса, генералитета, партийно-политической элиты. Но определенные признаки демократии она в себе несет – разделение властей, наличие политических прав и свобод, функционирование системной оппозиции, которую вполне устраивают правила игры. В середине 1990-х гг. победила тенденция перехода от «номенклатурной демократии» к олигархии – несменяемой власти небольшой группы.

Драма нарождающейся российской демократии в значительной степени состоит в незначительности калибра большинства претендентов на политическое лидерство, в дилетантизме той части интеллигенции, которая претендует на роль интеллектуальной элиты, выразителя общественного мнения.

Одна из самых болезненных проблем российской демократии заключается в отсутствии организованной политической силы, способной целеустремленно добиваться развития государственности по демократическому пути. Партия власти, претендующая на эту роль, давно утратила моральное право выполнять почетную миссию ревнителя российской демократии и ориентируется главным образом на пролонгацию существующего режима. Максимум допускаемых ею перемен – это замена лидера и устранение наиболее очевидных несообразностей.

В полной мере обнаружила свою несостоятельность и левая оппозиция. Ее главная сила, КПРФ, смогла лишь отказаться от трех-четырёх ультрареволюционных лозунгов, но оказалась неспособной к выдвижению конструктивных альтернатив существующему курсу, к инициированию созидательных процессов. Пока не увенчались успехом многочисленные попытки создать в России массовую социал-демократическую партию, которая со-

четала бы приверженность демократии и рыночным преобразованиям с идеей социальной защищенности населения.

Для посткоммунистической демократии в России характерны и авторитарные тенденции. Особенно отчетливо они проявляются со стороны региональных элит (Башкортостан, Татарстан и т. д.).

При всей неоднозначности положения в области прав человека основным способом отстаивания гражданами своих прав становятся не жалобы, а обращения в суд. В России права человека постепенно приобретают характер массовой ценности, что служит наиболее надежной гарантией против произвола.

Российские реалии, тем не менее, дают основание утверждать, что демократия начинает наполняться реальным содержанием. У населения сформировалась устойчивая привычка к выборам на альтернативной основе и свободе слова, которую невозможно искоренить. На региональном уровне имели место выборы не только с предсказуемым результатом, но и в полной мере конкурентные.

Таким образом, демократия в современном понимании для России – дело будущего. Страна переживает период выхода из тоталитарного строя с использованием демократических лозунгов и атрибутов, с наличием политических прав и свобод, не обеспеченных гарантиями. В настоящее время первоочередными задачами государства и общества являются наведение в стране правового порядка, обеспечение безопасности человека, неприкосновенности его собственности, свободы предпринимательства.

Предстоит адаптировать к российским условиям опыт развития гражданского общества в странах Запада. Это и расширяющаяся сфера коллективной, групповой собственности, и деятельность органов местного самоуправления, и многочисленные новые социальные движения.

Историческому и социокультурному опыту России отвечает способ самоорганизации через группу, коллектив. В стране с фрагментарной политической культурой, сильными солидаристскими традициями, значительным отчуждением общества от

власти вряд ли возможно осуществление плюралистической демократии в том виде, в котором она функционирует в странах Запада. «Нет ответа пока и на то, – пишет российский политолог А. Мельвиль, – возможен ли вообще иной – демократический и неимперский – режим политической организации этих гигантских территорий, которые изначально осваивались и структурировались в автократической и имперской парадигме».

Д. В. Севостьянова

РОССИЙСКИЙ ТРАНЗИТ: АНАЛИЗ В ДВИЖЕНИИ

Декларативно Россия переживает сейчас переходный этап от тоталитаризма к демократии, от командной экономики к рыночной.

Я предлагаю иную гипотезу. Возможно, мы имеем дело не с переходным к демократии, а с уже сформировавшимся недемократическим режимом. Либерально-демократический транзит зашел в тупик.

Нельзя не согласиться, что в России присутствуют важные системные признаки демократии: многопартийная система, выборность legislatures и местного самоуправления, демократическая Конституция с набором прав и свобод, наконец. А что мы имеем на подсистемном уровне?

Политические партии не развиты. Партийная система, следовательно, не сложилась, и сам процесс очень далек от завершения – партии «не населены» людьми. Население политическим партиям не доверяет.

Заметен явный властный крен в пользу исполнительной вертикали. Парламент лишен реальных рычагов власти и контроля.

СМИ в основном находятся под контролем олигархических групп и государственной бюрократии.

Процветают бюрократизм и коррупция. Растет чиновничий аппарат. Заметна тенденция к сверхцентрализации власти.

Население жаждет прихода харизматического лидера, что присуще авторитарным обществам или близким им.

Муссируется мнение, что либеральный транзит не соответствует нашим традициям и культуре, и в России возможна лишь демократия с прилагательными (например, авторитарная).

Возможно, в этом есть доля смысла. Мы поспешили с внедрением либеральных ценностей, ведь почва для них не подготовлена. Пути назад, однако, уже нет. Выход может быть найден в установлении патриотической и либеральной диктатуры, постепенном увеличении объема свободы граждан, т. к. демократия должна строиться «снизу».

D. Schendel

DEMOCRACY THROUGH WESTERN EYES

Traveling to Russia, specifically to Tambov, was an absolutely awesome experience. I was able to see some amazing sights, indulge in some delicious food and talk with fascinating, intriguing people. In talking with students and political figures within the city I was able to get some insight into Russia's democratic development. The largest desire of the Russian people seemed to be stability. This desire is not unique in any way to Russia, but the thing that surprised me was how much the public was willing to give up for the promise of stability. The idea of stability at any cost does not sit well with me when it means giving up more freedom.

The easiest example I can think of is the appointment of regional governors by the Federal government, de facto by the President. How President Putin has the time to thoroughly review candidates for eighty nine regions and decide which are best suited to represent the people of their respective regions is beyond me. Are these individuals representing the wants and needs of their regions, or are they focused on Moscow's agenda? If the President appoints them, do they not feel more of an obligation to serve him than the people? I am not questioning President Putin's objectives as much as I am questioning

his right to appoint the executive heads of each region. Why does the federal government feel that the people of the regions are not competent enough to vote for their own governors? I was surprised to find that most people did not object to this «executive» decision. I do understand that this is an attempt to fight corruption, but I do not know that this is the best method of cleansing the system. I do not think the people should be punished with losing their electoral rights because of the prevalence of corruption among elected officials.

One of the main differences between democracy in the United States and democracy in Russian is its balance of powers. The system in the United States is dependent more upon its structure, whereas the system in Russia appears more dependent on an individual. For this reason, many refer to Russia's democracy as a presidential democracy. The Executive, Legislative and Judicial branches within the United States have a larger ability to limit each other than those of Russia. While the large amount of power may make it easier and more efficient for President Putin to make progress according to his agenda, his position is not permanent. Putin's future replacement may have different strategies and objectives for the nation. The solution is not to make Putin the permanent president, but to create more equality between the branches. In the long term, a structure with greater equality has a better chance of creating the stability that Russia desires. It was clear during our time in Tambov that people really didn't have a clue as to what will happen AFTER Putin. Since the legacy of Putin's reforms will remain after him, since the disbalance of power will remain in Russia after 2008, Russians might regret trusting Putin so much when it is someone else in the Kremlin.

In many ways I feel that Russia has adopted democratic principles only to partially abide by them, or perhaps bend them to favor the few. I am mainly referring to capitalism and the idea of a free market economy. After the fall of communism, many of the large industry businesses were sold below their market value to well-placed Russians instead of foreign investors who were willing to pay a premium price. This created a corporate elite within Russia. There is a large void between the extremely rich and the poor. Over the last fifteen years there has not been any real development of a middle

class within Russia. I think the lack of development in this area is at least partially due to the way in which Russia privatized its businesses. By not fully embracing the ideas of capitalism, a competitive free market economy, Russia will have more difficulty stimulating growth needed to help increase the standard of living for its people. While it can be somewhat understood why Russians would hesitate to have many of their largest state industries privatized into the hands of multinational corporations, did Russia really fare any better by having them privatized into the individual hands of a few Russians? Has the federal budget benefited by this ethnic favoritism? I think not.

In closing, I am not saying that Russia's best hope is to mimic American democracy. However, I do feel that conditions would improve if Russia adopted a system more similar to that of the US in that it is truly committed to a balance and separation of powers and puts ultimate faith in the public to decide who should govern. Russia has come a long way in the last fifteen years. But I cannot help but feel the country has taken two steps forward and one step back in some aspects of its democratic development. I am pleased to have met Russians my age that do care about Russia's future. I hope that their education and passion for politics will be put to good use and help Russia become a stronger democratic power.

А. И. Кочетов

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ НИШИ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

В свете преобразований Президента Путина на федеральном и региональном уровне становится очевидным: в российской политической системе остается всего несколько ниш, не охваченных непосредственным контролем со стороны органов исполнительной власти. Среди прочих отмечу следующие:

1. Ниша № 1. Главы муниципальных образований продолжают избираться народом. В ряде случаев (г. Тамбов, в качестве примера) происходит выбор главы города из числа депутатов

местных представительных органов власти. Тем самым отсутствует возможность формирования завершенной вертикали власти. Наличие неформального влияния на глав муниципальных образований со стороны исполнительных органов власти в меньшей степени обеспечивает их лояльность, нежели наличие формального влияния. Тем самым нельзя отрицать возможность появления попыток обсуждения прямого назначения муниципалов губернаторами.

2. Ниша № 2. В настоящий момент, согласно инициативам Владимира Путина, Президент назначает поддержанную региональным законодательным собранием кандидатуру на должность главы региона. В перспективе нельзя отрицать возможности предложения выбирать кандидатуру из числа членов партии, победившей на региональных выборах.

3. Ниша № 3. Большие опасение вызывает обсуждение возможности установления санкций за непосещение выборов. Тому может способствовать опыт ряда демократических государств Европы. Очевидно, что Россия уже не слишком успешно проходила подобный путь, что приводит к недоумению по поводу серьезности данных высказываний. Тем не менее свободные выборы тоже превратились в некую демократическую нишу, ожидающую наступления.

Ясно, что число демократических ниш в России больше указанных. Однако легко прослеживается тенденция к «зажиманию» подобных ниш. В сочетании «авторитарная демократия» силу набирает именно первое слово.

L. Murphy

THE CURIOUS PROBLEM OF DEMOCRATIC HISTORY

During our stay in Russia we were constantly reminded of Russia's lack of democratic tradition. This lack of democratic history was given as a cover-all explanation in response to our concerns that replacing elections with presidential appointments on local levels

was not very democratic. This reasoning not only resonates with distrust, but it more importantly does not allow a democratic history to begin in the first place. This general feeling of distrust was given as common sentiment factoring into people's political choices. Unfortunately this distrust provides a political atmosphere that is not necessarily conducive to democracy as it creates a vicious circle in which the Russian public is criticized for not having democratic experience and yet is denied a full opportunity to gain that very experience. I find that somewhat unfair to the Russian people.

While many Russians may feel that they have no history of democracy, most also feel that there is a history of revolution and political instability. This tumultuous history provides important insight to the atmosphere of distrust that has developed and sheds light on why so many Russians think that presidential appointments are not bad at all. Putin enjoys widespread support with about 80 percent approval ratings. He has shown that he is trustworthy whereas prior leaders and popular movements have been letdowns. The university rector, who is also a member of the regional Duma, explained that Russians want stability and their main priority is not politics but maintaining a pleasant life for their family. Another Duma official further explained that he believed a politician's goal is to ensure this stability and to do the political thinking for the electorate because they are not as concerned with politics as they are with maintaining a stable life.

While this goal of stability sounds pleasant and easy enough, one must look at the cost of this stability. Stability at the cost of democracy should not be accepted and my fear is that it is being accepted. It seems that since Putin has done a good job thus far and other politicians do not have such a track record, it only makes sense that Putin be allowed to appoint governors, mayors, or even the next presidential candidate. While this may seem like a logical step since Putin has such a favorable standing among Russians, it places more power in the hands of one than may be wise. The university rector reminded us that no one thinks of Putin as anything more than a man and as such he is certainly fallible. The question then remains, why is Putin's fallibility less of a risk than the fallibility of democratic process? If people truly understand that Putin is just a man and that in

2008 he leaves the presidential stage, then why would the electorate not want guarantees put in place before 2008, in case the next man to follow Putin is not regarded so highly? This question again hints at a greater general distrust of the people than it does for the concentration of power. While Putin has proven himself worthy of trust during his tenure as president and many think the electorate has occasionally made poor decisions by electing less than perfect local leadership, it is still risky business to place overwhelming trust in a personality rather than a democratic institution. While the quest for stability allows Putin's decisions to be considered better than the decisions of the electorate, Putin cannot be in office forever. Every Russian we met in Tambov emphasized this to us over and over again. But very few seem to think much beyond the exit of Putin, which seems to be a slight paradox.

Allowing Putin to appoint local leaders is a step closer to elitist favoritism than democracy and further divides the gulf between the governing and the governed. Appointments of this level should be considered a step away from democracy regardless of their impact on national stability. The university rector addressed fears that Russian democracy was not true democracy by making the joke that many Russians do not think American democracy is true democracy. This joke gets at a popular criticism of American political thought: the feeling that American thinkers want all democracy to be like American democracy. This joke also skims over the real issue which is that the fundamental basis of democracy is faith in the people shown through elections. There is a widespread lack of faith in the ability of the general Russian electorate to make wise decisions at the voting booths. This is where the lack of a Russian democratic tradition comes into play. Russians have no practice at voting, the argument goes, and so they cannot be trusted to do so wisely. The only way to build a democratic tradition is through democracy. There is no other way. Russian democracy is obviously different from American or any other kind of democracy, but all types of democracy must be linked by faith in the ability of people to choose. Russia does not seem that willing, so far, to place that trust in the hands of its own people. I cannot say I agree with this position.

A further complication in understanding how presidential appointments and lack of faith in the electorate translate into democracy is the possibility that the will of the people is against democracy. More than one of the political science students we spoke to seemed to have serious doubts about democracy. One student suggested that the best way to fix the problem of corruption was to take away the vote for a few years while politicians sorted it out. Another student questioned the superiority of democracy to monarchy. She argued that no one in Russia had ever decided that democracy was better and that no matter what system of government was in place the lives of citizens would be pretty much the same. These arguments highlight several issues. It seems clear that decentralization still has a few opponents and leaves some people unsatisfied and fearful of the choices of the masses. The more subtle underlying argument in the students' opinions is the issue of democratically choosing undemocratic means of government. As Americans this argument is especially hard to understand.

The will of the people is supposed to be what is best but it is hard for us to agree to disband democratic institutions based on the will of the people. The students' arguments also bring us back to the issue of presidential appointment. Since Putin enjoys such high approval ratings, if he and his government decide to take the vote away and make local political appointments these actions may still represent the will of the people. The problem then still lies in the lack of faith in the general population and an overwhelming sense of political elitism. Yes, it is true that the people sometimes make bad choices (many in America are not particularly pleased at electing and re-electing George Bush). But the essential attribute of democracy is the fact that people be allowed to make such mistakes and then, most importantly, be allowed to correct them themselves through elections. Bypassing this process short-circuits the heart of democracy. Many of our Russian peers did not seem to see this connection.

The only way to combat Russia's lack of democratic traditions is to hold fast to democratic means and build faith in the electorate. Despite Putin's overwhelming popular support, his decisions should not be allowed to replace the voting rights of citizens. Presidential

appointments of local political offices can only reduce trust of the electorate and increase elitism, neither of which will help secure the long term stability that politicians believe citizens want. Rather they seem to be quick fixes to the problems of corruption and misguided interests but will create long term hurdles for building democratic traditions. Faith in the electorate and the ability of that electorate to vote, especially on the local level where that vote will have the most impact, must be realized and protected if Russia is ever going to create its own history of democracy. Mistakes notwithstanding, I hope eventually Russians will learn to trust themselves to decide the course of their democracy's future, and not constantly rely on leaders at the top to do it for them. I believe the Russian people are competent and ready. Too bad it seems they don't agree with me.

Е. С. Дударева, В. С. Куц

ПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: «ЛУЧШЕ МЕНЬШЕ, ДА ЛУЧШЕ»

Принятие нового порядка выборов в Госдуму прямо связано с усилением федерального Центра. Новый закон изменяет порядок формирования Госдумы и устанавливает, что все депутаты нижней палаты избираются по федеральному избирательному округу на пропорциональной основе по партийным спискам.

- Федеральные списки выдвигаются только политическими партиями.
- Избирательные блоки закон не предусматривает.
- В федеральный список входят не более 500 кандидатов. Они могут быть не только членами партии, но не более 50 % от общего числа кандидатов.
- Федеральный список кандидатов содержит Общефедеральную часть (не более трех человек) и в обязательном порядке разбивался на региональные группы кандидатов, число которых не менее 100 человек.

- Партия на предвыборные нужды может потратить 400 млн. руб.
- Порог прохождения партий в Госдуму поднят с 5 до 7 %.
- Возможность брака в подписных листах уменьшена с 20 до 5 %.

Таким образом, должна повыситься роль политических партий и стимулируется партийный активизм из центра на периферию. В ближайшее время, полагаем, партийное строительство будет проходить под лозунгом «Лучше меньше, да лучше».

И. В. Колесников

ИЗМЕНЕНИЕ ПРАКТИКИ ФОРМИРОВАНИЯ И СТРУКТУРЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

На примере г. Тамбова продемонстрируем, как избирались *до недавнего времени* и избираются *ныне* органы местного самоуправления. Подчеркнем, именно в России, ибо тенденция, увиденная нами в Тамбове, универсальна для страны.

До 2005 г. действовала схема прямых выборов.

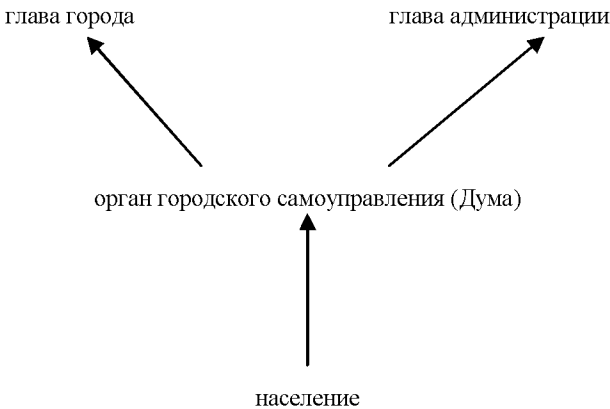
Схема 1

Выборы органов местного самоуправления (до 2005 г.)

Таким образом, население избирало и мэра, и депутатов городской Думы. В мае 2005 г. был введен новый порядок выборов и, в более широком смысле, новая структура организации местного самоуправления. Что теперь иначе?

Выборы органов местного самоуправления (с 2005 г.)

Население избирает городскую Думу. Депутаты городской Думы из своего состава избирают главу города. Одновременно он – председатель городской Думы. Глава администрации назначается Думой на конкурсной основе.

Таким образом, изменились и общая конструкция городского самоуправления, и схема его формирования.

1. Выборы первого лица города (главы города) теперь совсем не прямые. Население отсекается от избрания первого лица.

2. Выборность реализуется через коллегия выборщиков (депутатов). Резко возрос статус депутата. Прежде депутаты таким способом избирали только председателя Думы. Но председатель Думы в иерархии должностей не был первым лицом города, высшим руководителем местного самоуправления.

3. Глава администрации теряет политические функции и становится технической фигурой. Другое дело, что возможен прогноз: если глава администрации сохранит ресурсы мэра города (а ведь в случае с Тамбовом он наследует и кабинет, и весь разветвленный штат мэрии – теперь администрации города, и набор полномочий, и ответственность), то и функционально, и политически может вполне преодолеть статус city-менеджера. Для этого не обязательно иметь общественную ле-

гитимацию. Иными словами, не всегда важно, как обретается статус, важно, что он есть.

С. С. Топорков

ИЗБРАНИЕ ГУБЕРНАТОРОВ: ОТ ПРЯМОГО И ВСЕНАРОДНОГО ГОЛОСОВАНИЯ К НОВОЙ ПРАКТИКЕ

С 1995 г. до недавнего времени в России губернатора избирали прямым тайным голосованием населением региона. Теоретически это обеспечивало его ответственность в первую очередь перед избравшими его жителями. Оказалось, однако, что такой способ избрания пока не является абсолютной гарантией заботы о региональных интересах. Можно привести много примеров, когда руководители субъектов Федерации, сталкиваясь с проблемами, практически уклонялись от их решения.

Итак, какая процедура действует ныне?

Схема 1

Порядок обретения губернатором легитимации

Президент предлагает кандидатуру региональному Законодательному собранию, а последнее, рассмотрев ее, либо утверждает, либо отклоняет. Таким образом, последнее слово при назначении губернатора остается за Законодательным собранием региона. Назначение губернатора из Москвы (на мой взгляд, это именно так, если рассматривать не формальную, а фактическую сторону дела, учитывая нынешние позиции Президента) дает возможность обеспечить на региональном уровне возможную равноудаленность политической власти от экономических интересов региональных элит. Избранный губернатор, опираясь на местные бизнес-структуры, затем зачищает политическое и экономическое поле, добивается монопольной власти над регионом и создает благоприятные условия для своих сторонников как в политической, так и в экономической сферах. Тем самым на уровне регионов политическая система закрывается. Это создает больше динамизма и открытости политического и экономического процессов на уровне регионов.

У Кремля появились рычаги управления губернаторами. Многие эксперты отмечают, что назначенные губернаторы будут зависимы от Кремля и ориентированы на то, что подскажет Москва. Если предположить, что Кремль скажет, что регионы должны работать эффективно, а принимаемые в центре решения должны реализовываться в регионах, и губернатор будет отвечать за результаты деятельности самого региона, то в этом нет ничего плохого. У Кремля появляются рычаги, чтобы спросить с губернатора за результат его деятельности, что прежде было весьма затруднительно. Существует довольно большая автономия и опосредованность в отношениях между властными структурами. Властная вертикаль восстанавливается для того, чтобы внизу реализовывали решения, которые принимаются наверху.

Роспуск Законодательного собрания может повлиять на стабильность политической ситуации в регионе. Очень важно, чтобы в регионах и в Законодательных собраниях были представители тех партий, которые поддерживали бы линию исполнительной власти. Но если даже этого не будет, то в Центре достаточно ресурсов и рычагов для воздействия на Законодательные собрания.

С другой стороны, если это принимается законом, и закон обязателен для исполнения, то нет серьезных проблем. Если бы закон не предусматривал утверждение губернатора Законодательным собранием и вывел его в прямое подчинение исполнительной вертикали, то это, на мой взгляд, создало бы более сбалансированную ситуацию. Тогда был бы полностью реализован принцип разделения законодательной и исполнительной властей.

Отвечая на вопрос о положительных и отрицательных моментах назначения глав регионов Законодательными собраниями по представлению Президента, 37 % респондентов-россиян склоняются к мнению, что подобное изменение системы выборов будет иметь больше отрицательных последствий. Более четверти опрошенных (28 %) говорят о положительных последствиях. Для 35 % этот вопрос оказался достаточно трудным: они не смогли на него ответить.

С. И. Балабанов

СНГ: ОТ ДЕКЛАРАТИВНОЙ ИНТЕГРАЦИИ К СТРАТЕГИЧЕСКОМУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ

После распада СССР в декабре 1991 г. на политическую арену вышли новые государственные акторы из числа прежних ведущих субъектов СССР.

В политическом и социально-экономическом плане все постсоветское пространство в начале 1990 гг. было разбито на множество очагов государственности, обретших политической суверенитет, но бывших не в состоянии самостоятельно выстроить эффективную экономическую систему и полностью обеспечить собственную безопасность, включая ее военную составляющую.

Решение о ликвидации советского государства было вызвано в большей степени ситуативно-политическим, нежели каким-либо прагматическим решением. Прибегая к подобным действиям, главы тогда еще советских республик рисковали столкнуться с проявлением значительного общественного несогласия.

И для избежания возможной конфликтной ситуации была принята формула некой интеграционной модели, своеобразного компенсатора, чтобы при распаде СССР иллюзорно сохранить видимость связей между бывшими республиками.

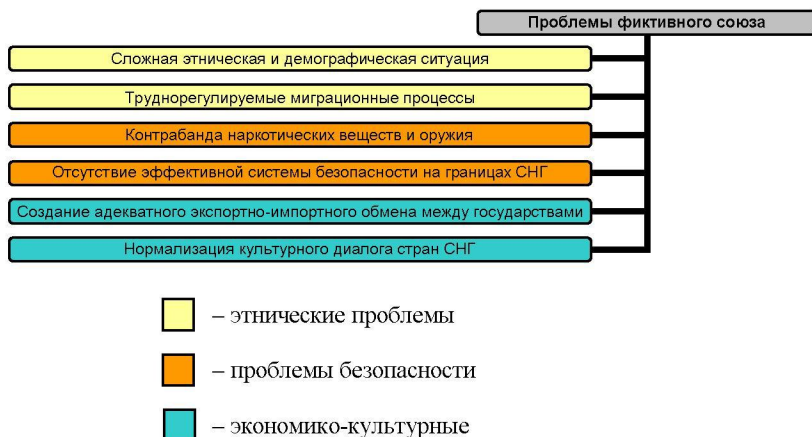
Таким образом, основной задачей института СНГ на тот момент была фактическая консервация, нежели развитие связей между постсоветскими республиками. Такой союз был выгоден, прежде всего, политическим элитам бывших советских республик. Союз стал легитимным инструментом осуществления их неограниченной власти и более-менее достойной заменой СССР в глазах народов.

В целом, на начальном этапе своего существования СНГ представлял собой формализованную модель декларативной интеграционности. Это объяснялось желанием стран – участниц СНГ в большей степени самостоятельно выстраивать, по сути, обособленные ансамбли политических и социально-экономических отношений.

Вместе с тем после 1991 г. у фиктивного союза возникли очевидные проблемы. Подобного рода проблемы являются достаточно многомерными по своей сути. Попробуем их схематизировать.

Схема 1

Проблемы СНГ

Наличие таких сложностей привело к потребности изменения значения и роли СНГ. Это повлекло за собой отход от прежней модели декларативной интеграции в сторону попыток обеспечения *реального* стратегического взаимодействия между государствами-членами СНГ. Основа – специализированная нормативная база, призванная регулировать законность действий сторон на пространстве Содружества.

О. И. Гребенникова, С. А. Никоненко

ПЕРСПЕКТИВЫ СНГ

Перспективы СНГ зависят от того, насколько эта организация сможет соответствовать требованиям времени и удовлетворять реальные потребности стран-участниц. Изучение разнообразных тенденций развития СНГ очень важно, причем, как сдерживающих, так и стимулирующих его развитие.

За 14 лет существования СНГ создана сильная нормативно-правовая база. Однако большинство договоров и соглашений не выполняются. Не соблюдаются обязательные юридические процедуры. Процесс ратификации и утверждения договоров затягивается на многие годы. Страны не выполняют взятых на себя обязательств.

В СНГ сейчас наблюдается много противоречий. «Бархатные» революции в некоторых странах содружества (Украина, Киргизия и Грузия) многие договоренности свели на «нет».

«Охладели» отношения между Россией и Грузией. Расторгнуты договоры в области военного сотрудничества, происходит вывод российского миротворческого контингента.

Украина переориентировала внешнюю политику в сторону Запада, Евросоюза. Официальный Киев явно не хочет искать пути для реформирования СНГ. Виктор Ющенко реанимирует другой региональный союз – Грузии, Украины, Азербайджана и Молдовы (ГУАМ) – как противовес СНГ.

Договор России с республикой Беларусь о создании союзного государства не реализуется.

Тем не менее, удачный пример взаимодействия сторон внутри СНГ есть.

Россия активно сотрудничает с Казахстаном. Какие договоры подписаны? В сфере экономико-хозяйственного, военного комплексов, о разделе недр Каспийского моря (был урегулирован спор, длившийся 10 лет), об использовании Россией космодрома «Байконур».

Развиваются отношения с Арменией – единственной страной из стран содружества, активно погашающей внешний долг перед Россией.

Мы думаем, Россия – ядро СНГ. Ни одна другая страна СНГ явно непригодна для этого ни по своей геополитической массе, ни по географическому положению. Многочисленные и устойчивые во времени, вызовы и угрозы с западного, южного и восточного направлений всегда «прижимали» народы, населяющие регион Северной Евразии, к России. Это во многом и определяет их вектор политической, экономической, оборонной, поведенческой ориентации на Россию.

Думаем, данное положение сохранится в будущем. Наш аргумент очень прост. Многие страны СНГ оказались перед лицом новых серьезных вызовов их национальной независимости. Существует реальная угроза с Юга. Отразить эту угрозу в одиночку не сможет ни одна страна.